

The illustration depicts a large, multi-story house with a prominent tower on the left side, topped with a weather vane. The house is rendered in a sketchy, line-art style. A large, dark, irregular shape is superimposed over the upper part of the house. The lower portion of the house and the foreground are heavily splattered with red, resembling blood. In the foreground, three silhouetted figures—a man in a suit, a woman in a dress, and another man—are standing on a cobblestone path. The overall color palette is dominated by teal and red.

**ОКСАНА КАРЕЛЬ**

**САМОЕ  
УНЫЛОЕ МЕСТО  
НА ЗЕМЛЕ**

**СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ**

**18+**

Оксана Карель

**Самое унылое место на земле**

«Автор»

2023

## **Карель О.**

Самое унылое место на земле / О. Карель — «Автор», 2023

«Самое унылое место на земле» — это таинственная история с детективным флёром, в которую ныряешь с головой. Вместе с главной героиней девушкой Майей мы отправляемся в крошечный городок, чтобы сбежать от теней прошлых ошибок. Бурная юность вчерашней школьницы приводит её к двери дома, за которой начинаются приключения. Никто не знал, что здесь, в далёком захолустье Майя познакомится сразу с несколькими людьми, среди которых: энергичный журналист Денис, загадочный художник Оскар Виш, которого подозревают в убийствах, и его друг, критик Марк Карро. Появление ещё одного персонажа, человека, похожего на мистифицированного героя загадочных романов, усложняет ситуацию. Ведь у каждого из мужчин свои секреты и, порой, их раскрывать не стоит. Это триллер с искусством, в котором любовный треугольник переплетён нитями мистики. В романе читатель найдёт любовную историю, оккультизм и, конечно, срыв покровов с пугающей правдой. Так кто же должен умереть в этой истории, чтобы родился новый шедевр?

© Карель О., 2023

© Автор, 2023

## Содержание

Тёмные секреты	6
Самое унылое место на земле	7
Тишина среди озёр	11
Могилы в солнечном свете	13
Приляг в мою могилу	27
Когда исчезает скука	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# Оксана Карель

## Самое унылое место на земле

*«Самое унылое место на земле» это мистический любовный роман с элементами триллера. Все места абстрактны, события и персонажи выдуманы.*

**Оксана Карель**

**Самое унылое место на земле**

## Тёмные секреты

Сентябрь, уже сентябрь, чёрт возьми, так быстро?

Я познакомилась с ними – когда? В начале весны, а уже осень. Май был таким скучным и долгим, а потом всё изменилось. Лучше бы тот май так и оставался скучным.

Я смотрю на эти картины, его картины, и это не просто полотна, нет, это целая история. История, в которой сложно не узнать нас. Я шокирована, но не искусством, а тем, что стала его частью. Мне страшно, и в этот страх врывается голос. Его голос.

– Майя?

## Самое унылое место на земле

Это было самое унылое место на земле. Больше и сказать нечего. Проведя в этой деревне две недели, я готова была утопиться от скуки. Не помогло даже то, что местечко на самом деле было живописное и колоритное. Правда, лучше оно от этого не становилось. Удавиться сеном? Станцевать на вилах? Посчитать улиток? Пожрать овса? Все занятия были такими привлекательными, что я никак не могла выбрать.

Самым ярким событием за сегодняшний день было эмоциональное восклицание моей тётушки.

– Ой, смотри-ка, соседская курица через дорогу перебежала! Вот нахалка! – Тётушка прихлопнула ладонью по коленке и взволнованно цокнула языком. – Ты смотри, а!

Я почти взвыла, вознося руки к небу с театральным апломбом, откидывая назад окрашенные в чёрный, волосы.

– Кто-нибудь! Всё равно кто. Заберите меня отсюда!

– Ой, Майя, что ты разворчалась-то? А? – тут же вскинулась она, поправляя седые волосы, выбившиеся из тугого хвоста. – Заняться нечем? Сходи посмотри, как Георг бычка из оврага вытягивает. Животина вчера туда забрела, глупенькая. А ты поди вытащи его, упрямого. – Тётя была совершенно серьёзна, что удручало ещё больше.

– Спасибо, но я воздержусь, – мрачно произнесла я, вздыхая как можно глубже, – я вчера уже ходила смотреть, как гусики пытаются утопиться в реке.

– Почему утопиться? Чегой-то ты так говоришь? – Ахнула тётя, всплеснув руками. – Они всегда в реке резвятся.

– Тётушка, вы думаете, они купаться туда ходят?

– А для чего ещё? – Тётя явно не понимала моих дурацких шуток.

– Топить свои гусиные печали.

– Выдумщица, – с улыбкой фыркнула она и махнула на меня рукой. – Какие секреты у гусей?

Я зашла в дом, миновала молчаливого дядю, сидящего в кресле и читающего газету, поднялась на второй этаж, больше похожий на чердак, и с разбегу плюхнулась на кровать. Зарывшись лицом в подушку, я практически заплакала.

Ссылка на задворках родины была намного хуже, чем я предполагала. Что ж, я это заслужила и уже успела искренне раскаяться в своих поступках. Только мама не поверила в мои заверения, что я всё поняла, осознала и так больше не буду.

На самом деле родители придумали мне хорошее наказание. Просто замечательное – если смотреть с их стороны. С моей же стороны оставалось только стоически это наказание вынести.

Весь последний учебный год я вела не самый примерный образ жизни. У меня появились новые знакомые, которые казались очень крутыми и важными, с которыми я проводила всё время. Да, я попала в дурную компанию, но и сама была не сахар, поэтому и завела себя в неприятности, из которых не все возвращаются.

С этого всё и понеслось. Алкоголь, наркотики, отвязные вечеринки, неразборчивые связи и главное моё новое увлечение – мотоциклы. Тогда я просто не мыслила себя без гонок.

Пропадая на окраинах города, я часто не ночевала дома, прогуливала уроки, зависала непонятно где и с кем. Естественно, ругалась с родителями и в целом вела себя ужасно. Сейчас мне стыдно, но тогда такого чувства не возникало.

Мне налепили ярлык трудного подростка и поставили на учёт. Слава обо мне пронеслась по всему району, и эта самая слава была весьма сомнительного характера. Обо мне говорили

такое, что уши вяли, а самое печальное заключалось в том, что это были не просто грязные сплетни. Это была горькая правда.

В школе мне со скрипом позволили закончить выпускной класс, и то только из-за аварии, я полагаю.

Да, авария. Несчастный случай, глупое недоразумение, называйте как хотите. После того, как я завалила предварительный экзамен и меня публично отчитали, я в гневе отправилась к ребятам и, напившись, решила повеселиться с другом Эдуардом.

Мне пришло в голову, что прокатиться и проделать пару трюков на чужом массивном мотоцикле – это отличная идея. Разумеется, я не справилась с управлением, и мы вылетели с моста.

Я выжила, он – нет.

Несколько месяцев я провела в больнице, проходя через болезненное и тяжёлое восстановление, а потом были депрессия, размышления о смерти, полный бардак в жизни и в голове. Помимо перелома ноги, трех рёбер и трещины в кости на руке, у меня было сотрясение и множество гематом. Говорят, мне повезло.

На похороны Эда я пойти не могла, ещё лежала в больнице, а когда пришла на могилу, столкнулась с его матерью. Она плакала и называла меня убийцей. Я убежала под её крики: «Почему он мёртв, а не ты?».

Да, почему я?

Родители проявили чудеса терпения и понимания. Они организовали мне сдачу экзаменов для выпускного класса, заставив администрацию школы пойти на уступки. Потом мы переехали на другой конец города, чтобы я могла спокойно поступить в институт.

Я не поступила.

Вместо учёбы и подготовки к поступлению я вернулась в старую компанию. Нет, на мотоцикл больше не садилась, но прожигать время не перестала. Меня терзало ужасное чувство вины, и мне казалось, что я могу залить его алкоголем. К счастью, это продолжалось недолго. Мне назначили психолога и терапию.

Я поняла, что у меня проблемы. Много. Восторг от всего, что я делала, пропал, появилось сожаление, и я схватилась за голову.

Очевидно, что я делала что-то не так. К сожалению, для озарения мне понадобилось почти умереть.

Мне удалось взять себя в руки. Через некоторое время я отказалась от старых знакомств и перестала делать вид, что я травмированный сложный подросток. Я исключила из своей жизни всё вредное и плохое, даже вещи, напоминающие о прошлом, отправились на помойку.

Смешно, но я даже подстриглась под каре, покрасив и так тёмные волосы в чёрный и полностью поменяла гардероб. Я стала задумываться о будущем и пытаться понять себя. Вместо какой-нибудь исправительной закрытой школы по совету психолога отец предложил отправить меня на всё лето к его двоюродной сестре Марии в крошечный городок под простым названием Лес. Не городок даже, просто несколько разбросанных по лесу ферм. Где-то посередине «нигде». Это решение я приняла безропотно и с мрачной покорностью.

Тётя Мария была в курсе всего и превратилась в надзирательницу. Вся округа тоже знала, кто я и что здесь делаю. Хотя, как помнится, первоначально эту информацию распространять не собирались.

Поначалу я решила, что пребывание в деревне пройдёт быстро и весело. Я невероятно ошибалась!

Первая неделя тянулась как год – и это несмотря на то, что я исследовала весь городок и почти все его окрестности.

На дворе был конец мая, всё цвело и пахло, но купаться и загорать было ещё рановато. Оставались только прогулки и чтение. Читать я люблю, но те книги, которые я взяла с собой, уже закончились и даже пошли по второму кругу. У тёти литературы было мало, и вся в основном посвящена сельскому хозяйству. Я пыталась изучать её, но разведение кроликов и подкармливание акаций как-то «не зашли». Так что с книгами возникла проблема. Правда, тётя Мария предложила мне пройтись по соседям, поспрашивать, но на такой подвиг я ещё не была готова, потому что жители Леса – это отдельная история.

Интернета здесь, конечно, не наблюдалось. Совсем. Только где-то на станции в десяти километрах от центра городка. Телефон ловил плохо. Совсем плохо. Чтоб позвонить родителям, я ходила в тот самый «центр». Можно было ещё залезть на ель и попытаться счастье на высоте, но я не рискнула. Телевизор показывал два канала. Смотреть это было выше моих сил. Я была удивлена до предела, что ещё остались места, где нет интернета, но, как оказалось, они были, здесь были.

Место, где поселились дядя с тётей, полностью оправдывало своё название. Раньше здесь была лесопилка, но после закрытия, осталось только несколько частных домов. Все переместились в соседнюю Суву – городок побольше. Местные называли его «центр» и ездили туда за всем необходимым, хотя ничего центрального там не наблюдалось.

Вся эта область раньше была финскими поселениями. Рядом с нами был город Кирккоярви, намного больше Сувы, но из-за того, что везде были реки и озёра, он был отрезан от других населённых пунктов и ездить туда было неудобно. Если только ходить пешком через лес.

На карте эти три городка выглядели как крохотные точки, и я бы никогда не подумала, что здесь кто-то живёт.

Ближайшим крупным городом был Ваара, а уже от него спрятанные между озёр и холмов в лесной глухомани притаились и другие городки.

Машина мне не полагалась, так что съездить в Ваару, до которой было около двух часов езды, я не могла, а отправиться туда пешком это уже чересчур.

Я была полностью отрезана от всего того, к чему так привыкла, и от того, что меня так соблазняло. Тяжелее всего было без общения.

Вторая неделя превратилась в ад. Это был один и тот же бесконечный день.

Сначала меня спасали прогулки, но их было недостаточно. Дорог и тропинок было не так уж и много. В поле не сунешься: трава по шею, а лес не похож на парк.

Я мечтала, просто грезила о том, чтоб здесь произошло хоть что-то. Что угодно. Но нет, мои мольбы не были услышаны, и всё оставалось таким же, как прежде, унылым до тошноты.

Одна радость всё же случилась – в амбаре я нашла велосипед! Старенький, но надёжный. Это было как фейерверк в ночи. Я почти воспрянула духом. По крайней мере, теперь я могла съездить на заправку и купить себе что-нибудь.

Накупив себе разных шоколадок и снеков, я планировала заесть скуку. Также пришлось приобрести то, что не покупала никогда – журналы. Всякую «желтизну» и каталоги мод. Благо у меня было немного скопленных денег, иначе я бы не знала, что делать. Меня заинтересовали «Лесной вестник» и «Модная история», но именно они оказались скучными. А вот «Молодость» и «Твой час» были с анекдотами, что не могло не радовать.

Я облюбовала одно местечко в мелколесье недалеко от моста и реки. Видимо раньше тут была какая-то постройка из красного кирпича, но от неё остались только невнятные развалины. Зато там сохранились приличные доски, из которых я соорудила себе подобие скамеечки. Именно там я и пыталась наслаждаться одиночеством.

Выходило скудно.

Всё могло случиться иначе, и я бы здесь не сидела. Моё место было бы на кладбище, рядом с бабушкой. Что ж, хотя бы компания была хорошая. Всяко лучше одиночества.

В один из этих однообразных дней случилось чудо. О да, нечто совершенно необыкновенное для этих мест. Тётя Мария попросила меня съездить в соседний город!

– Далековато, конечно, – говорила она, намывая трёхлитровую банку, – но тебе на велосипеде быстро будет.

Я пыталась сохранить спокойное выражение лица, чтоб она не поняла, какое счастье охватило меня.

– А что надо сделать? – как можно безразличнее спросила я.

– Там Инга живёт. Подруга моя, Инга Птич. Торгует мёдом, у них своя пасека. Мы-то обычно к ней с Юсуфом на машине ездим, да только это далеко, если со стороны дороги. Надо сначала до центра доехать, а потом направо, это ого-го какой круг, – тётушка попыталась показать рукой размер круга, и мыльные капли полетели во все стороны. – А тут через лес можно. Через мост речку переедешь, а там по тропинке около часа идти. Но это пешком. На велосипеде быстрее.

– Надо мёду купить? – Осторожно спросила я.

– Мёду, да. Мед взять, и передать ей подарок от меня, да. Я ей скатерть связала.

– Хорошо. Без проблем. – Я пожала плечами, – а что за город? Большой?

– Побольше нашего, где-то как Сува. Кирккоярви называется. Это озеро там такое. Там много домов и ферм, да.

– Красивые там места? Хочу пофотографировать.

– Ну красивые, да. Природа. Как здесь. Ну что, согласна?

– Да. Уже готова. – Разумеется, я была согласна. Даже более чем.

Тётушка окинула меня ласковым взглядом и усмехнулась.

– Что, так поедешь?

– А что не так? – Я оглядела себя: тёмно-зелёный укороченный топ, джинсовая юбка-трапеция и домашние шлёпанцы.

– Там дорога через лес, тебя мошкара закусает, надень что-нибудь закрытое.

Мой гардероб совсем не подходил для жизни в деревне. Даже простого спортивного костюма не было, не говоря уже о резиновых сапогах. От старой экипировки и спортивной одежды я избавилась сразу как бросила кататься – чтобы не напоминала.

Поднявшись в комнату, я перерыла шкаф и откинула всё, что имело слишком элегантный вид. В итоге мой выбор пал на чёрные узкие джинсы, белую тунику с кружевами и чёрную кофту на молнии с рисунком «глазиков» на рукавах. Захватив рюкзак вместо сумки и упаковав туда фотик, я надела кеды и резво отправилась в «путешествие».

Если бы месяц назад кто-нибудь сказал мне, что я буду переполнена восторгом от того, что мне предложат съездить в соседний городок, я бы ржала, как сивый конь. А теперь смотрите – я просто счастлива. Оказалось, не так много надо для поднятия духа. Всего-то велосипед и соседний городок.

## Тишина среди озёр

Городок Кирккоярви был тихим и застывшим. Можно было подумать, что тут никого нет, а если и есть, то они попрятались по своим домам.

Это напоминало мёртвый час, спокойствие крепкого сна. Не было ни оживлённости, ни суеты, только тишина и неизменность.

Если пристально искать и заглядывать в разные уголки, то можно расслышать и рассмотреть детали жизни, которые словно прикрыли, боясь, что их обнаружат; вот в бревенчатом доме стоит на тумбе старый магнитофон и из динамика льётся тягучая мелодия. Здесь, в доме у дороги, пожилой мужчина вытаскивает из дерева резные шашки, а его седовласая жена загадочно поглядывает на подъездную дорожку в ожидании непрощенных гостей.

Можно расслышать, как хозяйка кирпичного дома окучивает куст жимолости, приговаривая шёпотом слова ободрения, уверенная, что он её обязательно поймёт. А её ленивая сонная кошка мурлычет, лёжа на подоконнике.

Если сосредоточиться, прислушаться ещё внимательнее, можно отделить шелест листвы от шелеста переворачиваемых книжных страниц. Различить монотонное гудение проводов и плеск бурбона, льющегося в стакан.

Вот седовласая женщина вытаскивает пирог из духовки, тихонечко напевая, а её муж курит на крыльце. Кучерявый рыбак как обычно перебирает блесну, готовясь к рыбалке, а его сосед чинит велосипед.

Где-то шуршит бумага, скрипит дверь, закипает вода в кастрюле, еле слышно шипит радиоволна.

Мы не можем этого видеть, город прячет от нас детали, прикидываясь пустым. Деревья почти не колышутся от прохладного ветерка, вода в озере гладкая как шёлк, дороги безлюдны, высокая трава на лугах нетронута, а на рассвете и в сумерках, из беззвучного глухого леса приходит вязкий туман. Слишком тихо, словно и нет тут ничего. Неизменная красота тишины и пугающая атмосфера кажущейся пустоты.

Этому спокойствию радуешься и привыкаешь, поэтому, когда оно нарушается, кажется, что всё идёт кувырком, и тебе это нравится, ведь ты знаешь, что скоро всё снова станет спокойным, как прежде.

Тебе нравится суета, когда ты знаешь, что за ней придёт спокойствие.

\*\*\*

Пока жизнь Кирккоярви умиротворённо замирала, Ваара взбудоражено гудела.

Следователь Натан Никшич, мужчина с седыми висками и острым носом, сошёл с поезда, поглубже вдохнул острые ароматы города и уверенно направился в отделение полиции центрального района.

Давненько он здесь не был, но дорогу не забыл. Мужчина проигнорировал автобусную остановку: ему хотелось пройти пешком, увидеть город изнутри, освежить память.

Обстоятельность местной архитектуры, лёгкая хаотичность движения, устоявшиеся магазины и лавки, несменяемые десятилетиями – это дарило ему равновесие, ощущение крепкой почвы под ногами. По его мнению, стремительные изменения не давали порядку «устаканиться». Порядок любит постоянство. Ваара, при всей своей относительно бурлящей жизни, имела то самое постоянство, идеальное для порядка. Пройдёт ещё лет пять, может семь, и всё станет иначе, но сейчас, сейчас всё ещё остался тот старый, приятный для души уклад.

Отделении полиции номер сто девяносто четыре было его первым местом работы и, пожалуй, самым спокойным в карьере. С тех пор в его жизни изменилось многое, а в жизни отделения – нет.

Коллеги встретили его тепло, но сдержанно. Они были рады его кратковременному назначению. Новичков у них почти не было, что вызвало у Натана вздох удовлетворения. Приятно работать с теми, кого ты хорошо знаешь.

Его направили сюда в связи со старым делом, подробности которого всплыли в другом месте. Теперь придётся перекопать архивы, чтобы найти корни, и сколько на это уйдёт времени один чёрт знает. Но следователь не жаловался, он любил свою работу.

## Могилы в солнечном свете

Путь через лес был не близкий, но я не почувствовала усталости. Наоборот, меня восхищало абсолютно всё. Правда, было опасение, что на лесной тропе, которая гордо именовалась дорогой, меня сцапает медведь или волк, но обошлось.

Городок понравился мне сразу. Во-первых, он располагался на холмистой местности, что добавляло красоты и колорита. Во-вторых, на самом высоком холме стояла превосходная часовня, и, в-третьих, город был действительно большой. По местным меркам, разумеется.

Дом тётушкиной подруги я нашла быстро. Высокий забор, покрашенный в жёлтый цвет, бросался в глаза.

Инга Андреевна понравилась мне сразу. Милая такая женщина: крупная, с копной рыжих, крашенных волос, похожая на мою вторую тётю.

Меня незамедлительно накормили домашними пирогами. Такой приём я оценила.

Я решила пойти пофотографировать часовню, которая, оказывается, была заброшенной, и изучить город. Инга Андреевна тут же нарекла меня фотографом и почему-то засмеялась, заметив, что их городок популярен у художников.

Вдобавок, непререкаемым тоном она сказала, что ждёт меня к ужину, чтоб познакомить с сыном. Ужину я обрадовалась, а вот перспектива знакомства меня не обрадовала. Я уже примерно представляла, что там за «очаровательный, хороший парень без жены». Но отказаться не могла. Все эти немногочисленные события захлестнули меня как лесной пожар. В приподнятом настроении я отправилась к часовне, начав делать фотографии уже издалека.

Красивая церквушка была построена из камня и дерева. Первый этаж благодаря крепкой каменной кладке сохранился хорошо.

Прежде чем заходить вовнутрь, я решила обойти строение вокруг. Благодаря высокому холму деревня просматривалась замечательно. С той стороны, где была тропинка, холм был пологим, а другая сторона смотрелась довольно крутой. Несмотря на явно заброшенный вид, место всё равно было привлекательным и, судя по протоптанным тропинкам, довольно популярным у местных жителей.

Я направилась к обрывистому склону, чтоб взглянуть на заросшую кустами низину. Именно там меня поджидал «сюрприз».

С этой стороны часовни стоял раскладной стульчик, рядом с которым лежала чёрная спортивная сумка. Озадаченная, я уже собиралась посмотреть, что там внутри, когда услышала оклик.

– Эй! Девушка! – раздался мужской голос.

Я оглянулась, увидев спешащего ко мне мужчину в зелёной куртке. Он активно размахивал руками и даже подавал какие-то загадочные знаки. Я слегка встревожилась, не успела ничего ответить, как он уже был рядом со мной.

– Что ты делаешь? – Он постарался поправить свою куртку и пригладил волосы, пристально оглядывая меня с головы до ног.

– Простите? – выдохнула я, скривив лицо в недоумении.

– Работаешь? – Он ткнул пальцем в мой фотоаппарат прежде, чем я успела возмутиться или сделать ещё более ошарашенное лицо.

– Что? – я высоко подняла брови и отступила на шаг.

– Журналистка, да? – менторским тоном заявил он, скривив губы так, словно увидел дохлого сурка. – От какого агентства?

– А... – Я честно хотела ответить хоть что-то вразумительное, но, во-первых, не понимала, что, а во-вторых, из меня всё равно вылетали лишь жеванные звуки.

– Фотограф? Или статью пишешь? – он упёр руки в бока и строго добавил, – Какой журнал?

– Никакой. Не пишу я ничего, – я наконец сумела вставить слово в его быструю порывистую речь.

– Искусствовед? – подняв одну бровь, удивлённо воскликнул он и тут же поправил сам себя, опуская руки и меняя тон голоса. – А, студентка...

– Опять нет, – заявила я, его снисходительный тон взбесил меня больше всего, и мой голос прозвучал довольно резко.

– Не журналистка? – Он почесал подбородок.

– Совершенно точно нет.

– Что же ты тут делаешь? Кто ты? – Он спросил так, словно ждал откровения, и как-то странно вскинулся, будто подпрыгнул.

– Я местная. – Я смотрела на него с опаской, мало ли что можно от него ожидать.

– Чего-то я тебя не видел тут.

– С соседнего городка. – Я пожала плечами, делая ещё один шаг назад.

– Значит не фоторепортёр? – напористо спросил он, и я отрицательно покачала головой.

– Ах вот оно что! – Его лицо озарила улыбка, и он отрывисто хохотнул. – Всё ясно. Фанатка.

– Что? Какая фанатка? Нет! – Я зачем-то попыталась спрятать фотоаппарат.

– А фотик зачем? – От него не укрылось моё действие.

– Просто так. Делаю фотографии для себя. Что тут такого? – Я перестала дёргаться, стараясь выглядеть спокойней.

– Точно, фанатка. – Подтвердив эти слова несколькими кивками, он полез в карман за сигаретой.

– Да никакая я не фанатка! – раздражённо огрызнулась я, не понимая в чём суть. – Просто фоткаю пейзажи, природу фотографирую!

– Ясно. – Он засмеялся и вмиг перестал казаться грозным. – Понятно. Ты прости. Я уж подумал, опять свора налетела. А это, знаешь ли, выгодное местечко тут, всё видно. Вот я и подумал... – Он прикурил сигарету и протянул мне руку. – Меня зовут Денис, Дэн.

С опаской я пожала её, надеясь поскорее смыться.

– Очень приятно. Майя. – Приятно мне не было. Но эта ситуация здорово разбавила моё тоскливое существование.

– Извини ещё раз. Я уже с ума сошёл от этих журналистов, киношников и фанатов. Все норовят отхватить мой материал. – Дэн подошёл к своей сумке и, сосредоточенно порывшись в ней, достал бутылку с водой. Торопливо сделал несколько глотков и пожаловался: – всё никак не могу сделать по-настоящему стоящие кадры.

– Кадры чего? Села? – Сначала я не хотела заводить беседу, опасаясь, что он болен, но его слова меня заинтриговали.

– Села?!? – он опять засмеялся. – Зачем мне это?

– Что-то я тогда не понимаю... – Я поправила волосы. – Это же не Голливуд.

– Ха-ха, – Он жестом предложил мне попить, и я так же жестом отказалась. – Конечно не Голливуд. Но и здесь есть чем поживиться. Я собираю большой материал про Оскара Виша. – Он всплеснул руками в многоговорящем жесте.

– Кого?

– Оскара Виша, – громко повторил Дэн, словно я глухая. Не увидев в моих глазах никакого отклика, он пояснил: – Знаменитого художника. Он снял здесь дом на лето. Ты же сказала, что местная, – он ухмыльнулся, затягиваясь сигаретой.

– Из соседнего городка, – подчеркнула я. – И кто он такой? Этот художник? В смысле, чем знаменит?

– О, Боже мой, неужели ты не знаешь?!? – воскликнул он.

– Нет, – я покачала головой.

– Шутишь?

– Нет. С чего бы вдруг?

Денис пробормотал что-то себе под нос, но ответил с охотой.

– Оскар Виш – молодой художник, прославившийся тем, что он «рисует смерть». Под патронажем богатого филантропа и искусствоведа Марка Карро, стал неприлично знаменит и сколотил себе состояние. Не обделён талантом, конечно, но ничего выдающегося. Но это лишь верхушка айсберга. – Он поднял указательный палец вверх, призывая меня к внимательности.

– Настолько знаменит, что за ним охотятся папарацци? – с сомнением спросила я, не очень-то доверяя его словам.

– Ты пропустила всё веселье. – Его смех был похож на скрип. – Две недели назад здесь было не протолкнуться. Весь этот городок был забит репортёрами и журналистами. Местные были в шоке от такой популярности. – Дэн кинул окурок и старательно втоптал его в землю. – За Оскаром гоняются постоянно. Слишком уж он неоднозначная личность, запятнанная подозрениями в убийстве.

– Вау, – только и смогла сказать я, не испытывая особых чувств. – Наверное это очень интересно.

– Не могу поверить, что ты не знаешь кто он такой! – его восклицание было таким резким, что я даже вздрогнула.

– Я не увлекаюсь живописью. – Эта фраза получилась у меня более саркастичной, чем я хотела.

– Живописью! – засмеялся он, показывая в широкой улыбке свои прекрасные зубы. – Ха-ха. Тут дело не в его картинах, а в пиаре. Он звезда.

– И тебе хочется сделать его ещё популярней, да? Самому стать знаменитым? – как-то не очень культурно откликнулась я.

– Нет, – Его улыбка потускнела. – Не совсем так. Я знаю, что он убийца и хочу это доказать.

На удивление, его последняя фраза не смотрелась напускной и пафосной. Наоборот, в ней ощущался совсем другой тон. Какая-то мрачная убеждённость, что ли.

– У меня нет слов, – я действительно не знала, что сказать, особенно после заявления про убийцу. Откровенно говоря, весь разговор был странным, словно я грибов объелась. Но парень был симпатичным, говорил увлечённо, да и мой дефицит общения давал о себе знать. Так что даже эта беседа начала мне нравиться. – Удивительно. Ты меня заинтриговал. Теперь мне хочется подробностей.

– Я уже давно слежу за ним, – доверительно говорил он, – пытаюсь найти доказательства. Факты.

– Понятно. Интриги, скандалы, расследования, – пошутила я. – Так что ж, ты отсюда за ним следишь?

– Да. Это удачное местечко. Его дом и двор просматривается почти идеально, – радостно воскликнул Дэн.

– И что же он сейчас подельвает?

– Ха! – Вновь радостный возглас. – Роет могилы.

– Что, прости?

– Могилы роет. Хочешь посмотреть? – Дэн достал из кармана бинокль.

– Даже так? – Я приподняла бровь. – Хорошо. Куда смотреть?

Дэн подошёл ко мне, протягивая бинокль. Я старалась рассмотреть нового знакомого исподтишка, так чтоб это не выглядело навязчивым.

У него было приятное лицо с массивным подбородком и открытая улыбка, от которой появлялись умильные ямочки на щеках. Причёска была аккуратной, но слишком длинной для его типа лица, светлые волосы то и дело падали ему на глаза. А вот «лёгкая небритость» ему совсем не шла. Светлая щетина, покрывающая щёки и подбородок, смотрелась как пух.

– Вот, смотри. – Дэн направил мою руку с биноклем чуть вправо от того места, куда я смотрела. – Видишь дом сразу у леса? И участок.

Дом казался большим, но само строение было странным, совсем не классическим. Было видно, что изначально это была двухэтажная «коробка» из светлого дерева, с покатою крышей, к которой постепенно пристраивались дополнительные части. В глаза бросалось то, что в доме много окон. Это, наверно, и привлекло художника, но из-за отблесков я не могла рассмотреть, что происходит внутри. Тем более, все окна располагались под разными углами, что так же было крайне необычно для деревенского дома.

Крыльца видно не было – скорее всего, этот факт сильно расстраивал Дэна, а калитку и всю подъездную тропинку к дому закрывали деревья.

Я чуть изменила ракурс, заметив то, о чём говорил мой новый знакомый. На участке, поросшем зелёной травой, действительно были вырыты ямы, рядом с которыми громоздились кучки земли. Могилы. То есть не просто прямоугольные ямы, а могилы. Это можно было легко определить по наличию самодельных деревянных крестов и камней, похожих на надгробия. Это пугало. Реально наводило на очень жуткие мысли.

– Ого, – вымолвила я. – Ничего себе! Пустые могилы. Кресты над пустыми могилами. Просто жуть. Словно он кого-то положить туда собирается.

– А я тебе о чём, – Дэн хмыкнул. – Возможно и собирается.

– Нет, ну это реально неприятно. Меня аж мурашки пробили, – я вздрогнула, вспоминая, как часами сидела на могиле Эдуарда, и быстро отдала бинокль.

– Хочешь взглянуть поближе? – подмигнул он.

– Ближе?! Да я и так в ужасе, куда уж ещё? – хмыкнула я.

– Я просто мечтаю пробраться к нему в дом. – Неожиданно Дэн начал ходить туда-сюда, поглаживая подбородок. – На участке-то я уже был, но это не то.

– А почему ты к нему не сходишь?

– У меня судебное постановление. – Он поморщился и неопределённо махнул рукой. – Я не могу приближаться к нему или к его имуществу. Он засудил меня за преследование. Дом, конечно, не его... но...

– Преследование? Ничего себе! Ты что, одержим? – неудачно сказала я и тут же пожалела. Но он не заметил мою бестактность. Поэтому я резко перевела тему.

– Так он же не всегда дома? Можно хоть в окно заглянуть. Или всегда?

– Это довольно рискованно. Если в дом кто-то проникнет, Оскар сразу поймёт, что это я и тогда меня ждут новые неприятности. Нет. Тут надо действовать более тонко.

– Ты же следишь за ним, – не сдержалась я. – Куда уж тоньше?

– Надо что-то другое. Что-то... иное

Дэн замолчал, даже прикрыл глаза, словно продумывал план. Я ещё раз посмотрела в бинокль. Пейзаж у дома художника не изменился.

– Майя, – подозрительно вкрадчиво произнёс Денис. – У меня есть одна идея.

– Да? – почти невинно спросила я, сразу предполагая, что он придумал что-то крайне идиотское.

– Я тут подумал... – На его лице явственно промелькнул азарт. – К нему можешь сходить ты.

– Что?!?

– Сходить к нему. Там в заборе есть лаз. Ты зайдёшь на участок и подойдёшь к дому. Вероятность того, что он тебя заметит, ничтожна, – Дэн говорил быстро и кратко, здраво опа-

саясь лавины моего возмущения. – Даже если и увидит он тебя, это ничего страшного! К нему по началу много местных ходило.

– Нет. Я не пойду, – отчётливо заявила я.

– Послушай! Это ерунда для тебя. А для меня это много значит! Уверен, что тебе удастся заглянуть в дом. Может, даже сделать пару кадров. А ещё лучше, если ты с ним поговоришь! Постучись в дверь, мол, за автографом пришла! – ему самому нравилось его внезапное озарение, он не хотел замечать, что мне это не по душе.

– Нет. Найди кого-нибудь другого.

– Да нет тут никого! – Всплеснув руками и сделав жалостливое лицо, Дэн попытался заглянуть мне в глаза. – Из местных со мной никто связываться не будет, я тут персона нон грата. Вызванивать кого-то из города не вариант. А тебя он не знает. Со мной не свяжет. Это идеальный план.

– С ума сошёл? – не выдержала я. – Ты говоришь, что он убийца, и посылаешь к нему меня? Нет уж. Надо – иди сам.

– Он тебя не убьёт, – презрительно фыркнул Дэн.

– Спасибо! Вот твоего заверения мне как раз и достаточно!

– Да не будет он тебя убивать!

– Да?!? А могилки для чего? Как раз для свежих трупов тех, кто особо любопытничал, – связвила я, но он не оценил.

– Перестань. Это совершенно безопасно, – настаивал Дэн. – Он звезда и не режет людей направо и налево. К нему много людей ходит, все живы. Истории его убийств – это совсем другое дело! Ты просто не в курсе.

– Это не меняет картины, – весь мой вид говорил о том, что я против, но Дэн этого не замечал. Или не хотел замечать. Для себя он уже всё решил.

– Пожалуйста, Майя. Ты должна сходить! Неужели тебе не интересно?

– Нет. Я не пойду.

– Я дам тебе денег, – видимо это был его главный аргумент.

– И что? Это ничего не меняет, – я ответила после некоторой паузы, зная, что это не так. Ибо мои финансовые запасы заканчивались, а лето ещё даже не наступило. Так что в голосе прозвучали заинтересованные нотки вне зависимости от моего желания.

– Уверена? – Репортёр сузил глаза, как заговорщик. – Короткая безопасная вылазка и деньги твои.

– Хорошо, – не выдержала я. Да и сердце моё требовало приключений, хотя другие части тела, вроде мозга, были категорически против.

– Договорились, – он улыбнулся и протянул мне руку.

Вот так я заключила, пожалуй, самую дурацкую сделку за это лето. Зато скуку сняло как рукой. Мною овладело такое количество мыслей, что я не могла ими управлять.

– Показывай, куда идти, – со вздохом сказала я, но улыбку спрятать так и не смогла.

Спустившись с холма, я захватила свой велосипед, и мы пошли в сторону дома художника.

Вокруг было зелено и красиво, светило солнце, пели птички, жужжали мушки и пчёлки, но меня не оставляло ощущение мрачной безысходности. Перед глазами всплывала картинка пустых могил. А воображение услужливо подкидывало дополнительные картины убийств, крови, трупов, завёрнутых в брезент... Избавиться от «всплывающих» кадров было не так просто.

Дэн шёл уверенно и даже пытался завести беседу.

– Я залезу на участок с тобой, спрячусь за кустом сирени и подожду тебя.

– Угу.

– Я уже проверил этот лаз. Он как раз рядом с последней могилой. Он её три дня назад вырыл.

– Прекрасно.

– Было бы идеально, если бы ты смогла войти в дом. Посмотреть, что там.

– Угу.

– Что-то ты помрачнела.

– Знаешь, Дэн, – начала я, вкладывая в свой голос максимум негодования. – Я только что за деньги согласилась залезть на участок чокнутого художника, который вполне возможно, пришибёт меня лопатой, уложит в могилку и нарисует по этому поводу пару прекрасных полотен.

– О, я тебя умоляю, ну что тут такого? – Он засмеялся. – Тем более, ты уже согласилась и не отказываешься. Значит тебе это нравится. Ты девушка, которая любит приключения, – с уверенностью заключил он.

– Вот это-то меня и пугает.

Я немного помолчала, посматривая на довольный профиль Дениса, и всё-таки решилась задать вопрос.

– Как давно ты следишь за этим художником?

– Давно. – Энтузиазм пропал из его голоса. Меня удивляло то, как он легко рассказывал обо всём, что его интересует. – Сначала я наблюдал за ним, как за человеком искусства. Его первая картина... впрочем, это довольно длинная история. Я понял, что с ним что-то нечисто после того, как появились его полотна, где он изобразил смерть своей убитой жены. Рисовать мёртвых – это ненормально. Знаешь, это не просто «взгляд на смерть», как он говорит. Тут всё намного сложнее... – Он поскрёб свою щетину, – да и друг его...

– Что за друг?

Я была крайне заинтересована, но Дэн прервал свой рассказ более насущными темами. Специально он сделал это или нет, я не поняла.

– Мы почти пришли. – По его движениям, было заметно, что он начал нервничать. – Потом расскажу.

Я оставила велосипед в кустах, положила фотик в рюкзак, и пошла за Дэном в какие-то заросли. Мы спустились в канаву, благо там почти не было воды, а то если бы я промочила ноги, пришлось бы брать с Дэна дополнительную плату за испорченные носки и кеды.

Потом пришлось пробираться через какой-то корявый ветвистый куст. Особо наглая ветка умудрилась хлестнуть меня по лицу. Я обещала запомнить её и отомстить, но тут же забыла о ней увидев крапиву. Я порадовалась, что на мне джинсы, а не юбка.

Когда мы подошли к нужному месту, и Денис отодвинул ветки очередного куста, показывая мне щель в зелёном заборе, меня накрыло жаром. Это не было хорошим признаком. Я почувствовала прилив адреналина.

– Пролезай, я за тобой, – тихо сказал он, указывая на проход.

Стараясь не издавать ни звука, что было более чем проблематично, я пролезла в лаз и тут же присела на корточки, чтоб быть менее заметной.

На участке вдоль забора трава была не такой высокой, как со стороны канавы.

Дэн показался рядом, сел на корточки и двинулся вперёд, делая странные движения, чем напомнил мне краба.

– Давай сначала туда, а потом к дому, – снова зашептал он, маша рукой в сторону могилы. – Я подожду тебя за кустом.

Мы пробрались к могиле, и я остановилась, осматриваясь. Отсюда была видна часть дома, на окна которого падала тень от яблонь, но опять не со стороны крыльца. Вид на входную дверь закрывали огромные густые кусты сирени. Всюду на открытых участках сада виднелись кресты и надгробия.

Могила, на краю которой мы затаились, была довольно глубокой. Я заглянула в неё, оглядывая комья подсохшей земли, лежавшей на дне, и непроизвольно сглотнула подкативший к горлу спазм.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Всё вокруг несмотря на радужную погоду стало жутким и неприятным. Казалось, что всё застыло, замерло в предвкушении чего-то страшного, неотвратно зловещего.

Денис находился вплотную рядом со мной, но это меня не успокаивало. Он пытался рассмотреть что-то за кустами сирени, одновременно доставая камеру.

– Иди к дому, – Денис указал рукой в сторону крыльца.

Кивнув, я почти встала, лишь краем глаза мне удалось заметить какое-то тёмное движение около треклятой сирени. Денис резко одёрнул меня.

– Сядь, – сказал он, но ожидаемого шёпота не получилось. Его голос непроизвольно зазвучал довольно громко.

Именно в этот момент у дома показался мужчина. Он бодро шёл в нашу сторону, держа лопату.

Я дёрнулась встать и ринуться к спасительному лазу, но Дэн не дал мне этого сделать. Вместо того чтоб помочь мне встать с колен, он сильно толкнул меня, а сам помчался к забору. Но этого я уже не видела, потому что упала в могилу.

Насколько сильно я ушиблась, было не понятно. Да и мысли о том, что Дэн мудак, отошли на второй план. Растянувшись на холодной и пахнущей сыростью земле, я замерла, как мышка.

Было страшно, не то что пошевелиться, а даже вздохнуть. Всё потому, что я знала – убийца с лопатой идёт в мою сторону.

Во мне тлела надежда, что художник-психопат не заметил меня. Что всё его внимание ушло на убегающего репортёра.

Раздался шум ломающихся веток – это Дэн прорвался через забор. Жаль, что прорвался, мстительно подумала я. Эта мысль не успела надолго задержаться в моей голове.

Я молила Бога о том, чтоб убийца не обнаружил меня. Если бы я могла, я бы закопалась в землю. Мне показалось, что прошла вечность или две. Или совсем ничего не прошло. Я лежала, плотно закрыв глаза, словно это могло мне помочь. А потом услышала голос.

Смысл фразы не сразу дошёл до меня. Сам факт голоса означал одно – меня обнаружили. Значит, это конец.

– Ты в порядке?

Пока я соображала, пока пыталась осмыслить фразу, голос, в котором уже проскочили взволнованные нотки, повторил.

– Эй? Ты слышишь меня? Ты в порядке?

Тогда я открыла глаза и даже приподняла голову. Увидев, что у мужчины, склонившегося у края могилы, уже нет в руках лопаты, я ответила.

– Я в порядке. Извините.

– Сильно ушиблась? – спросил он, продолжая сидеть на краю могилы, и рассматривая меня.

– Не знаю. Пока ничего не могу сказать, – я села и, проведя по лбу ладонью, поморщилась от саднящей боли. Головой я шибанулась однозначно.

Только после этого я посмотрела на него. Первое, что я заметила, это его взгляд – пристальный, скорее удивлённый, чем раздражённый. В его глазах не было негодования или злости, да и лицо выражало безразличие, но меня всё равно затрясло, и по телу побежали мурашки.

– Извините меня. – Я начала подниматься, обнаружив, что стою в яме, край которой достаёт мне до груди. – Простите что залезла к вам в могилу... то есть на участок без спроса. –

Извинения сыпались из меня, как просо из мешка. При этом я старалась не смотреть на хозяина дома и даже пыталась отряхнуться от земли.

– Давай помогу. – Он подал мне руку. Мне не оставалось ничего другого, как принять помощь.

Он помог мне выбраться, благо я была совсем нетяжёлая, и ему не пришлось тащить меня, как мешок с картошкой.

Когда я выбралась наверх, то оказалась совсем рядом с ним, и мне опять пришлось посмотреть на него. Я усиленно пыталась разглядеть в нём признаки психопата.

Он оказался совсем не таким, как им я его представляла. Мне виделся пожилой дядька с косматыми седыми волосами и бородой, а на меня смотрел молодой мужчина.

Конечно, старше меня, но тем не менее далеко не старик. Помимо этих всепроникающих глаз, я обратила внимание на его спутанные каштановые волосы, которые небрежно обрамляли лицо, спускаясь до подбородка.

– Ты цела? – вновь спросил он и неожиданно дотронулся до моего поцарапанного лба своими прохладными пальцами. – Дай посмотрю.

Я непроизвольно дёрнулась и опять чуть не упала, но он слегка придержал меня за локоть. Эта своеобразная забота впечатления на меня не произвела. Образ маньяка с лопатой из моей ушибленной головы никуда не исчез.

– Всё нормально. Простите за вторжение. – Я пыталась взять себя в руки и быстренько смыться куда подальше.

– Кстати, это довольно любопытное вторжение. – Он всё ещё стоял очень близко и был выше меня, поэтому ему не составило труда заглянуть мне в глаза. – Журналистка, да? – как-то обречённо спросил он, нахмурившись.

– О, нет! – активно запротестовала я. – Нет, нет! Ни в коем случае! И не фанатка!

– Да? Это ещё любопытней. – Он криво улыбнулся и издал что-то наподобие смешка, – что же тогда тебя заставило прилечь в хм... мою могилу? – Он наконец отступил и сложил руки на груди.

– Упала. – Я начала судорожно отряхиваться, но это было бесполезно, белая блузка была вся испачкана землёй. – Точнее, меня толкнули. Этот... в общем, простите меня великодушно, я больше так не буду.

– Я даже догадываюсь о том, кто тебя толкнул. – Он дружелюбно улыбнулся, и тут мне пришло в голову, что у него очень красивое лицо. Именно поэтому я начала озвучивать всё, что приходило мне в голову. Заговорила я очень быстро и сбивчиво.

– Всё так по-дурацки получилось. Этот репортёр или кто он там, предложил мне денег за то, что я проберусь к вам и посмотрю, чем Вы заняты... Я... мне так неудобно. Я же совсем не знаю в чём суть, так что... О, боже, я чувствую себя как придурок. Мне так стыдно, – я закрыла лицо руками.

– Он хотя бы заплатил тебе? – Усмешка художника, по-моему, прожгла меня насквозь. Он явно насмеялся.

– Да. Но это не утешает меня, – я сокрушённо покачала головой, а он посмотрел на меня с прищуром, но это не помешало мне самозабвенно продолжать. – Вам следует заделать дырку в заборе. Или не следует. Это, конечно, вам решать.

– Если ты не журналистка, то где успела подружиться с... – художник явно пытался подыскать слово, – этим репортёром?

– Мы не друзья! Я только сегодня с ним встретилась, он следит за вами с холма, на котором стоит часовня, – я не раздумывая сдала Дэна: нечего было меня кидать. – О вас я узнала от него. У него бинокль и всё такое. Его зовут Денис, и у него куча теорий относительно вас. Особенно много тех, в которых вы выступаете в роли убийцы, – ляпнула я и тут же прикрыла

свой рот. Было очевидно, что меня понесло, а художника, по-моему, вся моя канитель из слов только забавляла.

– Значит я убийца? – Он поправил свои волосы и чуть склонил голову. Ситуация обострялась тем, что я нежданно-негаданно поняла, что нервничаю. Нервы эти были связаны не с тем, что он потенциально опасен, хотя так и было, а с тем, что я находила его привлекательным. Со мной бывает так, что с первого взгляда на какого-то человека я испытываю к нему нездоровый интерес.

– Наверное, может быть, или нет, – затараторила я, понимая, что каждое последующее слово звучит глупее предыдущего.

– Понимаю. Нет ничего прекрасней, чем зайти в гости к убийце. – Это явно была насмешка над самим собой или надо мной. А может, и шутка. В порядке компромисса я решила улыбнуться.

– Нет. То есть да. – Я провела рукой по лицу, пытаюсь стереть свою тупость. – Я не имею в виду ничего такого. Прошу прощения за беспокойство. Мне пора.

Я развернулась, собираясь пойти в сторону забора, но художник остановил меня.

– Думаю, лучше выйти через калитку.

– Несомненно, – засмутившись я последовала за ним, опустив голову, чтоб не смотреть на него лишний раз.

Всё время, пока мы шли, я пыталась успокоиться, но у меня ничего не выходило. Меня по-прежнему трясло.

Он открыл калитку, чтоб я смогла пройти, неожиданно сказав на прощание:

– Тебе следует осторожней выбирать знакомых. – Его тон совсем не был нравоучительным, как можно было ожидать. Наоборот, в голосе слышалось некое предостережение.

– Да, вы правы. Спасибо большое. Ещё раз извините.

Я ушла не оглянувшись. Найдя свой велосипед, даже не пытаюсь перевести дух, я помчалась к дому Инги Андреевны.

Пока я ехала, в голове прокручивалось всё то, что произошло. Легче от этого не становилось. Я чувствовала, как мои щёки захлестывает жар, а душа периодически уходит в пятки. У меня не было никаких комментариев, лишь жалкие попытки обосновать собственную тупость. Единственная ясная мысль была о том, как сильно я собираюсь расцарапать Дэну глаза. То, как он меня толкнул и бросил на произвол судьбы, бесило меня невероятно, к этому плюсовалась жалость к себе. Я не могла поверить, что он, с виду такой милый, мог так поступить. Хотя чего я могла ожидать от человека, которого совсем не знаю!? Тоже надо головой думать: подозрительный незнакомец предлагает тебе сомнительную авантюру, а я только и рада. Дура какая.

Подкатив к знакомому дому, я с ожесточением откинула велосипед и нарочито медленным шагом направилась к дому, обрывая по пути листики со всех кустиков и деревьев.

Инга Птич ждала меня с приготовленной к ужину картошкой с мясом. Она сразу же посадила меня за стол, причитая о том, что я гуляю голодной. Кроме неё дома никого не было. Это хорошо, а то я с ужасом представляла, что придётся после всего этого общаться с кем-то ещё.

Естественно, женщина заметила, что моя одежда в земле, а на лбу царапина. Пришлось сказать ей почти правду.

– С велика упала. В канаву.

Она посетовала на мою неосторожность и попыталась промыть мне царапину коровьей мочой, говоря, что это великолепнейшее средство. Я сопротивлялась и отстояла-таки своё мнение, так что мы сошлись на пластыре.

Хорошо хоть так, а то ещё коровьей мочи мне для полного счастья не хватало.

Я, кстати, так и не поняла обо что поцарапалась. О ветку? Камень? Неясно. Главное, что отделалась легко. А то могла бы ещё чем-нибудь перешибиться, или меня могли пришибить.

– Слава ещё не пришёл. Наверное, где-то с ребятами ходит, – приговаривала она, подкладывая мне овощей. – Ну, это ничего, ты же ещё заедешь к нам, да?

– Да. Думаю, да, – задумчиво сказала я, понимая, что не смогу просто так оставить эту историю.

– Как прогулялась?

– Хорошо. Вот узнала, что у вас тут какой-то знаменитый художник поселился, – как бы между делом заметила я.

При этом я почувствовала, как румянец заливает мои щёки, и поспешила встать якобы в поисках салфеток или полотенца.

– А, это да! – всплеснула руками Инга Андреевна. – Уже полтора месяца как. Шуму тут было! Прямо ужас. Телевидение приезжало, и фотографии разные целыми толпами. Мы тут прямо чуть умом не тронулись. А сейчас всё потише стало. Бывает, придет один-два и всё. Ещё один из этих, как их там, репортёров у Богдана комнату снимает. Достал уже всех! Ходил тут, всё чего-то разузнать пытался. А мы-то что? Нам-то откуда знать про этого художника?

Чует моё сердце, что этот «один», который всех достал, был не кем иным, как Денисом.

– То есть вы про этого художника ничего не знаете?

– Я-то? Я – нет. Толку-то мне от этого, Майя? У меня огород, коровушки, пчёлки свои. – Она покачала головой. – У меня и времени нет узнавать. Говорят всякое, да. Да ты у Славочки спроси, когда его увидишь, он тебе и расскажет.

Инга Андреевна заговорщически подмигнула мне, намекая, что у меня появилась отличная тема для разговора с её сыном.

Я могла задать ей ещё миллион вопросов, но меня и так переполняла информация. Так что, взяв купленный мёд и пообещав приехать в ближайшее время, я отправилась домой. Мне надо было всё переварить и обдумать.

Дорога показалась мне донельзя короткой. Я даже не успела толком прокрутить события сегодняшнего дня в голове. Зато о скуке я и не вспоминала. Вот она жизнь на ферме. Следует только сгонять в другой городок и всё изменится.

Звучит как реклама.

По лесной тропинке я ехала, улыбаясь как идиот. Мне очень хотелось узнать всё про этого загадочного художника Оскара Виша, но у меня не было интернета, поэтому мой мозг судорожно пытался придумать, где бы его достать.

Я старалась не вспоминать о Денисе, потому что он очень меня бесил, но его слова постоянно крутились в голове. При отсутствии интернета он был единственным человеком, кто мог бы рассказать мне о художнике, но обращаться к нему я не собиралась. У меня возникло странное ощущение жалости к себе из-за того, что я восприняла Дэна как милого человека. Такое со мной не в первый раз. Конечно, я могла найти ему оправдание, но не хотела. Художник понравился мне больше, чем репортёр, но это скорее всего из-за сложившейся ситуации и его безумно обаятельной улыбки. Правда меня не покидало то неприятное ощущение, возникшее у меня при виде могил и крестов. Воспоминания об аварии холодным ручейком прошли по позвоночнику, а слова про убийства и мрачные картины, не переставая, крутились у меня в голове.

Я не могла знать, насколько правдивы рассказы Дениса. Может, не всё так плохо. А может, и нет. Тем более, ничего конкретного я не знала.

Всё вместе взятое произвело на меня впечатление. Пока что я могла только догадываться обо всём, задавая себе вопросы «зачем» и «почему». Этим я и занималась весь вечер.

Ночью я спала ужасно плохо. Тем не менее, утром вскочила бодрой и полной сил. Поначалу я не собиралась никуда ехать. Пыталась читать и делать работу по дому. Не помогло. Я не могла усидеть на месте. Сказав тёте Марии, что я уехала кататься, я отправилась в Кирккюярви.

Я решила, что заеду к семье Птич, найдя для себя разумный предлог – спросить, где и у кого есть интернет.

Когда я появилась, Инга Андреевна даже не удивилась. Она подумала, что я приехала ради знакомства с её сынком, который, к огромному сожалению, был дома.

Его поведение было из тех ужасных, которые невозможно забыть, но я сжала зубы и мило улыбалась, внутренне содрогаясь от его комплиментов.

– А ты, я гляжу, девчонка-то прикольная, – растягивая слова, заявил он, сложив руки на груди. – С тобой можно и в свет выйти. Типа того.

– Спасибо...

– Мы тут с ребятами собираемся вместе, в кино в Ваару ездим. А ты чё, городская, думала, мы тут совсем ничего не делаем, да?

– Нет, что ты! Значит, в Ваару ездите? – Я старательно игнорировала его перескоки с темы на тему и нелогичность фраз, здраво полагая, что ничего поделать не смогу.

– Типа того. Но не часто. Это далеко. А чё, с нами хочешь?

– Спасибо за приглашение, – неопределённо ответила я. – А здесь есть какие-то интересные места?

– Типа чего? Кина здесь нет. Клуб есть, типа танцевальный, но мы туда не ходим, – Слава хохотнул и демонстративно прислонился к дверному проёму. – Мы ж не какие-то там отсталые.

– Понятно, – я кивнула. – Скажи, Слава, а что у вас тут с интернетом? У меня телефон ловит, но только местами и не очень хорошо.

– Есть у нас. В школе, в библиотеке, – он хмыкнул. – Так у тебя сотовый не ловит, потому что симка городская. Тебе бы нашу местную купить и всё «ок» будет. Ну, как «ок», ловить будет, но местами.

– Значит, в школе, – я широко улыбнулась. – Замечательно. Где это?

– Хошь, провожу?

– Да ты занят, наверное, – попыталась съехать я.

– Ну ваще, – почёсывая подбородок, он посмотрел в сторону амбара, – надо матушке помочь. Но могу и проводить, чего не проводить-то.

– Спасибо. Думаю, я сама всё быстро найду.

– Ну давай. Возвращайся к обеду, буду ждать. – Он мне подмигнул, да так отвратительно, что я чуть не поперхнулась собственной слюной.

Я поехала по указанной дороге в сторону местной мэрии, где и располагалась школа. К моему счастью, она была открыта. Пожилая вахтёрша с кудряшками сказала мне, что сейчас классы закрыты, но можно попросить в администрации. Так я и сделала. Там меня спросили не журналистка ли я. Как я поняла, в последнее время у местных это дежурная фраза. Заверив всех, что я знакомая Инги Андреевны, и что никакого отношения к телевидению или журналистике не имею, я удостоилась чести сесть за компьютер секретаря. У них был там свой тариф на использование интернет-услуг, но я договорилась, что за всё вместе с распечаткой на принтере, я заплачу единую, заранее обговоренную сумму.

Поначалу секретарь, упитанная женщина лет сорока в леопардовой кофте, намеревалась стоять у меня за спиной и созерцать за всеми моими передвижениями в сети. Но после моего настойчивого взгляда она удалилась.

Набрав в поисковике два слова «Оскар Виш», я начала с жадным любопытством просматривать ссылки.

Информации о нём было огромное количество. Я начала с биографии. Там было всё довольно скромно: видимо, он не особо распространялся на эту тему. Стандартный набор: родился там-то, рост такой-то, возраст – двадцать семь лет. Учился в школе, потом в худо-

жественном лице, но не доучился. Потом поступил в Художественную Академию Искусств имени Гёссера Карро, которую успешно окончил.

Про эту академию была отдельная и очень интересная информация, но её я оставила на потом.

Его мать, Вероника Виш, умерла через тринадцать лет после его рождения, и он рос с отчимом, который был убит грабителями, когда Оскару было семнадцать. После он поступил в эту навороченную академию благодаря своему опекуну, другу семьи Эдуарду Гёссеру Карро. Упоминаний о настоящем отце никаких не было, только имя Освальд Виш.

Уже учась в академии, он стал знаменит. Первую широкую известность ему принесла картина «Человек в могиле», на которой он изобразил своего умершего отчима.

Далее перечислялись его работы, выставки, награды. Потом запись о том, что он женился на Катерине Лесонской и упоминание о её трагической кончине после года совместной жизни. Она была психологом, старше него и специализировалась на работе с малолетними преступниками. Катерина была жестоко убита в своём кабинете. Дело осталось нераскрытым за недостаточным количеством улик. Подозреваемые в её убийстве пропали, а потом их нашли убитыми. Именно в этом убийстве подозревался Оскар. Но дело ограничилось исключительно подозрениями.

После этого Оскар нарисовал «Прекрасна, как смерть» – серию картин, на которых была запечатлена его мёртвая жена. Выставка имела оглушительный и скандальный успех. А после появления серии полотен под названием «Месть Смерти», на которой были изображены мёртвые мужчины, подозреваемые в убийстве его жены, скандал вокруг персоны Оскара разгорелся нешуточным пламенем. Это принесло ему ещё большую известность и огромное денежное состояние.

Было указано ещё много картин и работ, некоторые из которых стоили как особняк в пригороде, все на тему смерти, мёртвых людей, могил и так далее и тому подобное. Но такого скандала вокруг них уже не было.

Я стала искать информацию про все эти убийства и причины почему подозревался Оскар. В первом случае упоминалась смерть его отчима, Эмиля Пирро. Тут не было никаких подозрений. Оскар и его друг обнаружили Эмиля мёртвым, лежавшим в могиле с пробитой головой. Дело происходило на кладбище, когда они навещали могилу мамы Оскара. Мальчики отправились к машине, а Эмиль остался у могилы. Отчима долго не было, и ребята отправились его искать, но нашли уже мёртвое тело. Полиция сошлась во мнении, что это было ограбление.

Картина на тему смерти «Человек в могиле» стала первой, которую Оскар Виш выставил на всеобщее обозрение критики. Есть информация, что существуют картины, на которых изображена смерть матери Оскара, но он их не выставляет. Психологи пишут, что именно смерть матери подвигла впечатлительного мальчика с даром к живописи писать мёртвых людей, а смерть его отчима только укрепила это желание. Выводов психологов, которые разбирали жизнь художника, было много, и я решила распечатать несколько, чтоб почитать на досуге.

Самое интересное началось после выхода серии картин «Прекрасна как смерть».

Изначально Оскара не подозревали в убийстве жены, но после того, как он во всех подробностях изобразил место преступления на своих картинах, поползли слухи. Его вызывали на дополнительный допрос. Тем не менее, никаких обвинений ему предъявлено не было.

Я нашла подробности этого дела и распечатала их.

Во многих статьях писалось о том, что Оскара подозревают в убийстве жены. Больше всего это напоминало чёрный пиар. От официального представителя художника подобных заявлений не было, как и от него самого. Он сам вообще отказывался давать комментарии к таким слухам.

После этих печальных событий за ним закрепилась сомнительная слава. Он начал балансировать на грани скандала. Правда, уличить его в чём-то преступном или отвратительном было невозможно. Только слухи и сплетни.

Вся ситуация подогревалась тем, что Оскар был очень молодым художником, которому удалось прославиться за короткое время. Это приписывалось не только его таланту и мастерству. Многие считали, что успех ему завоевал его друг, популярный критик и искусствовед Марк Карро, «человек с безупречным чувством вкуса», как писали про него газеты. Он выступал своеобразным искателем талантов, и все, кто находился под его патронажем, быстро завоевывали успех и славу.

Ключевой взрыв карьеры Оскара Виша произошёл после убийства подозреваемых, которые проходили по делу убийства его жены. Глеб Д. и Виктор А. были найдены убитыми в квартире Виктора. Главным подозреваемым был Оскар. Но не было никаких улик, доказывающих его вину.

Тогда он рисует серию полотен «Месть Смерти». На них изображены убитые Глеб и Виктор и опять с поразительными деталями. Оскара снова вызывают на допрос. Главный вопрос: «Откуда такая точность в изображении»? За это и зацепились следователи. Ответ оказался проще, чем кто-либо мог предвидеть. Оскар заявил, что следователи сами показывали ему фотографии с места преступления и они отпечатались у него в памяти. Соответственно никаких обвинений ему предъявлять не стали. Ведь он убитых не знал и имел железное алиби.

После этого поворота событий общество бесновалось. Все, кто имел хоть какое-то отношение к искусству, и даже те, кто не имел, говорили только об Оскаре Више.

Любопытно было то, что после этих событий он выставил картину «Повешенный».

Ушлые репортёры раскопали, что во время обучения Оскара в Академии произошло самоубийство профессора. Он повесился в одной из аудиторий. Оскар был одним из двенадцати учеников, которые нашли профессора.

Это, разумеется, породило множество домыслов. В этот раз Оскар подтвердил, что эту картину он написал давно, и сразу же добавил, что не имеет никакого отношения к самоубийству профессора.

Сам Оскар говорил про себя, что он пишет то, что производит на него сильное впечатление: *«Смерть преследует меня, она вокруг. Что может быть трагичнее и важнее? Я не могу оставить это без внимания. Всё, что я испытываю, я воплощаю в произведения».*

Теперь Виша называли «Художник, рисующий смерти», или «Рисующий для смерти». Кто-то просто говорил: «Художник смерти». За ним закрепилась неприятная слава убийцы, но карьере это не повредило, а наоборот.

Кому-то его работы резко не нравились, критики находили их надуманными и лишёнными искры, другие же говорили о потрясающей атмосфере, присутствующей в картинах. Восхищались смыслом, игрой теней и смелостью.

Короче говоря, светское общество разделилось на две части: лагерь обожания Оскара Виша и лагерь ненависти. Равнодушных не было.

У него было ещё множество работ, все мрачные и таинственные. После «Тел у дороги» Оскар долгое время ничего не писал. Осенью ожидалась большая выставка, но участие в ней Оскара подтверждено не было. Сам художник уехал в далёкий городок, чтоб написать новую серию картин. Как он заявил в интервью для популярного телеканала: *«Это будет что-то о смерти и любви. Что-то особенное».*

Следом за ним ринулась толпа репортёров. Всем хотелось узнать, кто умрёт или будет убит для того, чтоб Оскар смог изобразить их на своих полотнах.

Его картины, они были чем-то вроде смеси классической школы и абстракции, точнее описать не могу. Я ничего не понимаю в живописи и сужу только по двум критериям: понравилось или нет. Так вот, его картинам я не смогла дать такого чёткого определения.

На мой взгляд в них что-то было. Я ощущала в них некое живое присутствие. Картины приковывали к себе взгляд. Атмосфера и чувственность, вот что наполняло его полотна. При этом все картины были тревожными, грустными. Меня это не восхищало. Они выглядели стильно, но дома я бы такое вешать не стала.

Самые знаменитые полотна не произвели на меня особого впечатления. Они были мрачными, чем-то красивыми, чем-то нет. В них была некая тёмная привлекательность, болезненность, аура тайны и немой крик.

## Приляг в мою могилу

Я распечатала довольно много статей, которые меня заинтересовали. А вот из-за отсутствия цветного принтера картины распечатать не смогла, да и чернил, наверное, на это не хватило бы.

Не удержавшись, я посмотрела множество картинок, на которых был Оскар. Разглядывая его, улыбалась как идиот. Мне понравился его стиль в одежде: никаких строгих костюмов, всегда что-то небрежное, стильное и запоминающееся. Например, шапка лимонного цвета крупной вязки или длинный белый шарф в сочетании с футболкой. Он не боялся цвета, но не перебарщивал. Всё в меру и со вкусом. К тому же он относился к тому типу людей, на которых всё смотрелось гармонично. Оскар был не очень высок, но из-за худой фигуры казался выше. Может его и портили чуть острые скулы для такого тонкого лица и синяки под глазами, но я считала, что эти черты придают ему некую приятную нестандартность. У него была очень интересная улыбка, которая совершенно меняла его внешность, но улыбался он, видимо, не часто. Я нашла лишь пару фото, которые явно были сделаны случайно, где Оскар смеётся. Все остальные – как на подбор, словно с похорон. Везде он выглядел печальным или задумчивым, а чаще всего отстранённым, но если смотрел прямо в кадр, то видно было, что старался выглядеть приветливым, натягивая улыбку, не разжимая губ. Я решила, что он не любит фотографироваться. Хотя может такой стиль в поведении и в одежде ему насоветовали стилисты. Это вполне вероятно, ведь его раскручивают как звезду, а тут важен шарм и определённая линия поведения.

Мне нравился его специфический «прищур», тот самый всепроникающий взгляд. Но на фото он смотрелся иначе. Казалось, что он задумал нечто забавное, и вот-вот улыбнётся, или поделится неким секретом.

Я могла ещё часами разглядывать его и даже хотела посмотреть пару видео с интервью, но время подходило к концу.

Вернулась секретарь, внеся в кабинет аромат шоколада, и многозначительно покашляла, намекая, что мне пора закругляться. Поблагодарив её, я попрощалась и ушла обдумывать прочитанное и увиденное.

Пока что все мысли были в разброс и это будоражило меня похлеще, чем алкоголь. Уже тогда где-то в подсознании я знала, что приду в гости к Оскару Вишу. Но на тот момент я боялась озвучить эту мысль даже себе самой.

Я медленно ехала на велосипеде по окрестностям, старательно избегая приближаться к той части города, где жил художник. Когда я вернулась к «центру» и зашла в супермаркет, то заметила знакомую фигуру. Это был Дэн.

Совершенно абсолютно и стопроцентно я не собиралась с ним общаться. Когда он окликнул меня, я сделала вид, что не услышала. Я собралась смыться по-быстрому, но он успел догнать меня и схватить за руку.

– Подожди!

– Отвали от меня! – сквозь зубы гаркнула я, выдёргивая руку.

– Прости меня, – вдруг заявил он, – это вышло случайно.

– Я сказала – отвали.

– Извини меня. Знаю, отвратительно получилось, – очень жалобно произнёс Дэн. – Я не хотел.

– Ты меня толкнул! Оставил одну! – В моём голосе послышался упрёк.

– Это случайность. Я и не собирался тебя толкать! – он улыбнулся, разводя руки в стороны. – Правда, прости.

– Ты меня бесишь.

– Мне очень жаль, так не должно было случиться. Я потом искал тебя, куда ты пропала?

– Ушла домой. – Я развернулась, собираясь уходить, а он пошёл за мной.

– Что там случилось? Что он сказал? Угрожал полицией?

– Слава Богу, нет. Но он понял, что это был ты, – со злостью выпалила я. – Теперь у тебя будут неприятности.

– Со мной обойдётся. – Он попытался погладить меня по плечу. – Главное, что с тобой всё в порядке.

– Какая забота! – фыркнула я, собираясь сесть на велосипед и умотать отсюда, как можно скорее.

– Майя! Прости меня! – У Дэна был очень виноватый голос, но мне по-прежнему не хотелось его прощать. – Как мне загладить свою вину?

– Никак, – отрезала я.

– Я могу много тебе рассказать о нём, хочешь?

– С чего ты взял, что мне это интересно? Давай, Дэн, пока.

Я села на велосипед и поехала от него прочь.

– Увидимся! – раздался его крик мне вдогонку.

Меня переполняло негодование, но то, что он попросил прощения и не один раз, слегка подкупило меня. Может он и в правду толкнул меня неспециально? Хотя зря я пытаюсь найти для него оправдание.

Эта встреча не смогла прервать мои мысли об Оскаре Више. В моей голове был настоящий калейдоскоп. А мне очень хотелось разложить всё по полочкам.

К тому же я поймала себя на отчётливой мысли, что хочу увидеть загадочного художника ещё раз. Это было похоже на желание вляпаться в историю с потенциально плохим концом. Желание узнать правду? Нет, это не про меня. Любопытство, которое сгубило не одну кошку? Да, это уже ближе ко мне. Где-то в глубине души я уже знала, что найду какой-нибудь предлог и пойду к художнику. На этом фоне маячило понимание того, что я в здравом уме хочу пойти к тому, за кем закрепились слава убийцы. Это нормально? Совсем нет. Глупо говорить, что так становится интересней. Для меня моя смерть ради чьего-то искусства – это совсем невелико. Бешеное количество адреналина не искупает этого, тут нельзя сказать: «Это того стоило». Очень похоже на дешёвый фильм ужасов: «Я знаю, что там опасно и ночь на дворе, почему бы мне не зайти в этот страшный дом с его мрачным обитателем»? Тем не менее, как-то так.

Да что я пытаюсь рассуждать об этом?! Я не знаю, в какой последовательности двигались мои мысли. Не знаю, какое из моих чувств двигало мной. На следующий день я приехала в Кирккорви и более чем неспеша двинулась к дому художника.

Педали велосипеда я крутила как можно медленнее, пытаюсь отсрочить встречу.

Небо затянули тучи и редкие капли дождя уже падали на землю. Такая мрачноватая погодка не добавляла мне смелости.

Я строила в голове остроумные диалоги, проговаривала фразы, пыталась почувствовать уверенность в себе, но чем ближе подходила к цели, тем больше представляла, что просто пройду мимо. Это же так просто – сделать вид что ты просто следуешь куда-то по своим делам.

Всегда боишься заговорить с тем, кто тебе симпатичен, потому что думаешь: «А вдруг тебя пошлют». Это самое неприятное. Смесь позора и разочарования. Где же взять смелость? Как сделать так, чтоб казаться естественной и сделать вид, что тебе одновременно всё равно и нет? Говорить правду и то, что придет к тебе в голову? Я так уже делала. Может, это и есть нужная модель поведения? Не всем она по вкусу, но всё же. Тут и ситуация не самая стандартная.

За всеми этими мыслями я прятала свою робость. Вот уже показался забор, выкрашенный в тёмно-зелёный цвет, и заветная калитка бордового цвета в окружении кустов сирени. На ней белой краской стоял номер дома – 77/1. Что за 1? Не знала, что здесь есть корпуса.

Как по заказу дождь стал накрапывать сильнее. Тёмное с бледно фиолетовыми полосами небо низко опустилось над городом и казалось, что можно дотянуться до него рукой. Сильно пахло сиренью, влажной травой и почему-то мятой.

Ещё пару секунд и я бы проехала мимо, но тут же мысленно одёрнула себя: не сделаю сейчас, буду жалеть всегда.

Резко остановившись и бросив велик на землю, я подошла к калитке. Осторожно открыв её, вошла на участок, отчего-то постоянно оглядываясь. Опять мелькнула мысль уйти, правда уже это было бы чересчур глупо. Поздно, уже поздно.

Веранда дома была длинной, более новой, чем сам дом и остеклённой, что позволяло полностью рассмотреть, что внутри. Но мне не понадобилось тайно заглядывать в окно. Ведь я уже здесь.

Открыв дверь на веранду, я оказалась внутри, но не все препятствия были пройдены, ведь входная дверь всё ещё была закрыта.

Я поддалась нерешительности и бесцельно застыла на веранде не в силах постучать в дверь. Здесь пахло сосновым деревом, красками и той самой мятой, запах которой я почувствовала ещё у калитки. Пристроенное помещение не было захламлено, но вещей и различных предметов мебели было много.

Помимо маленького круглого столика, деревянных стульев и двух кресел, у стены разместились полки, на которых лежало столько всего разного и непонятного, что с первого раза всё и не запомнишь. Повсюду стояли рамы для картин. Большие, маленькие, высокие, длинные, узкие. Разных цветов и форм. Прямо на полу в хаотичном порядке лежали коробки и парочка старых чемоданов внушительного размера. Имелся даже старинный на вид комод, стоявший при входе у самой двери, на котором стоял керамический горшок с араукарией.

На пару секунд я прикрыла глаза, а когда открыла их, то сделала глубокий вдох и постучала в дверь.

Никакого отклика не последовало. Удивляясь самой себе, я постучала второй раз. Неуютное ожидание под шум дождя длилось дольше обычного.

Дверь распахнулась резко, словно её дёрнули нетерпеливо и рывком. Хмурый художник появился на пороге, посмотрел на меня с явным удивлением, но ничего не сказал.

Его каштановые волосы были собраны в небрежный хвост, а «лёгкая» небритость придавала ему довольно брутальный вид.

Он продолжал молчать, только слегка кивнул головой и чуть поджал губу. Этот жест напоминал фразу: *«Ну и чего тебе надо?»*

Я опустила глаза, уставившись на чёрные пуговицы его синей рубашки.

– Добрый день, – изрекла я, не решившись взглянуть прямо на него. – Прошу прощения, что беспокоила...

Почему-то я рассчитывала, что он начнёт говорить, и помедлила, но он по-прежнему ничего не произнёс, только немного склонил голову к плечу. Выражение его лица стало чуть более заинтересованным.

Ну мне хотелось думать, что оно стало заинтересованным.

– Хочу ещё раз извиниться за произошедшее и... – Его молчание было хуже, чем любые слова и ставило меня в полнейший тупик. – Вы же меня помните? – зачем-то спросила я. К счастью, этот вопрос был успешным. Он утвердительно кивнул.

– Ну да, – чуть усмехнулась я, не зная, куда деться от стыда. – Глупый вопрос.

Я начала дергаться и делать странные движения, которые напоминали порывы к бегству. Я ожидала всего, была готова к любому развитию диалога. Но так? Это предугадать было сложно.

– Мне очень стыдно, что я опять надоедаю вам. – Я решила, что терять мне уже нечего, – и скорее всего вам совершенно не нужны мои извинения, но, тем не менее, я чувствую себя виноватой. Я знаю, что вы занятой человек, которого явно достало внимание посторонних людей. Это неприлично с моей стороны, но... вы не могли бы дать мне автограф? – Я высоко подняла брови, пытаюсь изобразить жалостливые глаза, и улыбнулась.

– Ты же вроде не фанатка, – очень спокойным голосом, наконец-то ответил он, а я вздохнула с явным облегчением, что не укрылось от его глаз.

– Нет, не фанатка. – Я постаралась улыбнуться, как можно радужнее. Не зная куда деть руки, я выкручивала их, загибая пальцы и запястья, что в принципе было мне не свойственно. – Знаете, даже в искусстве толком не разбираюсь. Просто вы личность очень известная, как я выяснила, так что... Я бы с удовольствием стала обладателем вашего автографа. – Только после сказанного я поняла как это тупо и глупо: «Я не фанатка, но вы знаменитость, так что дайте автограф».

– А мне казалось, что ты не знаешь о моём существовании. – В его голосе звучало столько эмоций, что хватило бы на целую толпу девчонок, но их не было, так что всё досталось мне. – Или ты прониклась чувствами ко мне после того, как повалялась в могиле?

В конце фразы его губы всё-таки тронула лёгкая улыбка, видимо, чтоб хоть чуть-чуть скрасить резкость. Или он был очень саркастичен, или обладал специфичным чувством юмора. Если бы ситуация была другой, то я смогла бы воспринимать его фразы как остроумные и забавные.

– Признаться, рассказ Дениса и вся ситуация заинтриговали меня. Судя по всей информации, которую я нашла, вы личность неоднозначная и интересная. – Я чуть помедлила, прикусывая губу. – Даже можно сказать загадочная. – Я окончательно пришла к выводу, что полная откровенность – единственная верная политика разговора.

– Интернет помог? – хмыкнул он. – И, конечно, журналист Денис.

Художник слегка вздохнул и даже на миг закатил глаза, что напоминало фразу: «О, господи, да как мне это надоело и сколько уже можно». Но ручаться за правильность расшифровки жеста я не могла. Мало ли что у него на уме.

Я пожала плечами.

Оскар вышел на веранду, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я отошла на несколько шагов вглубь веранды, чтоб не стоять к нему так близко.

– А ты очень любопытная, да? – На этот раз он улыбнулся, не разжимая губ, видимо для того, чтобы показать, что это не оскорбление.

– Наверное. – Я скованно улыбнулась в ответ, наблюдая как он отрывает пожухлую веточку араукарии.

– По-твоему, я личность неоднозначная и загадочная? – Он взглянул на меня всего лишь раз, мельком, а потом его внимание полностью захватила оторванная ветка растения. Да и двигался он так, словно у него есть свои дела, а я просто оказалась здесь случайно. Хотя так оно и было.

Оскар выглянул на улицу, вытянул руку ладонью вверх, поймав на ладонь множество дождевых капель. Рассмотрел их, будто там было зашифровано послание, а потом лёгким движением стряхнул воду. Развернулся в мою сторону, прислонившись плечом к косяку входной двери, и сложил руки на груди. Теперь он выражал всё своё полное и безраздельное внимание к моей персоне.

Я произвольно слотнула, ведь он перекрыл мне выход. Специально или нет, этого я знать не могла, но заволновалась. Это не помешало мне с удовольствием разглядывать его

фигуру. Всё в нём было небрежно гармонично. Тёмно-синяя рубашка на выпуск, чёрные зауженные джинсы, коричневые ботинки с красными шнурками. Мне определённо нравился его стиль. Особенно меня увлекли его тонкие пальцы и изящные запястья, украшенные кожаными браслетами, под которыми виднелась татуировка.

Я не могла скрыть от себя, что художник был более чем привлекательным. При этом он казался слегка жутковатым из-за той ауры таинственности, которую создала ему пресса. Мне не удавалось отделаться от чувства, что я смотрю на убийцу.

– Определённо загадочная, – ответила я. – Про вас много пишут, и всё написанное покрыто тайной.

– Ты говоришь о славе убийцы? – прямо спросил он, посмотрев мне в глаза. Я тут же отвела взгляд в сторону.

– Об этом пишут больше всего.

– А ты как считаешь? – почти вкрадчиво спросил он, и я подумала, что мне пора идти домой подальше от всех этих волнительных загадок.

– Это не самый простой вопрос. – Это была моя попытка «съехать» со скользкой темы для разговора.

– А ты попробуй ответить, – с настойчивостью попросил он. Пока я думала, Оскар достал из ящика комода обрывок листка и карандаш и быстрым росчерком нацарапал автограф. Но не отдал его мне, как можно было предположить. Он вернулся в исходное положение, вновь перекрывая выход, зажав листочек пальцами.

Облизав пересохшие губы, я решила сказать то, о чём не стала бы разглаживать в иной ситуации.

– Дело в том... Если бы я сказала, что вы не убийца и, допустим, это правда, то вы могли бы подумать, что на самом деле я так не считаю и просто боюсь показаться глупой, говоря так. А если бы вы были убийцей, а я сказала бы, что так не думаю, вы только бы посмеялись над моей наивностью. Назвав вас убийцей, я бы опять поставила себя в глупое положение если это не так и оскорбила бы вас такими обвинениями. В любом случае мой ответ был бы дурацким. Поэтому я говорю, что не знаю.

– Сложно разобраться, да? – Его ухмылка была очаровательной.

– Да, сложновато. – Я передёрнула плечами, всем видом показывая, что мне неприятен этот разговор. – Почему вам так важно моё мнение?

– Интересно, что у тебя на уме. – Он слегка скривил губы, словно в глубокой задумчивости, и опять склонил голову набок. – Всё же, каков твой вариант?

Я решила, что настало время уходить, и сделала пару шагов к двери, то есть к нему.

– У меня его нет. – Мой голос непроизвольно стал тихим. Чтобы исправить эту ситуацию, следующую фразу я произнесла громко, не забывая на всякий случай самозабвенно улыбаться. – Всегда есть вариант, что у вас где-то припрятана лопата. Так что спасибо за автограф, мне пора домой.

Я намерилась решительно выйти несмотря на то, что он стоял на пути.

Оскар протянул мне листочек, но не отпустил его и даже не двинулся с места, чтоб дать мне пройти.

– На улице дождь. – Он не просто смотрел на меня, он пристально меня разглядывал, и я уже не знала куда себя деть, что говорить и делать. При этом его голос был безразличным, почти холодным. – Останься. А то промокнешь.

– Не думаю, что это хорошая мысль. – Я выдернула листик из его пальцев и почти попыталась высунуться на улицу.

– Значит, всё-таки считаешь меня убийцей? – Он криво улыбнулся и чуть отодвинулся от двери, что вселило в меня надежду. От всех этих жестов и слов я уже давно покрывалась мурашками, а сердце отбивало ритм военного марша.

– Сейчас мне действительно становится страшно. Я лучше пойду. – Опустив голову, я двинулась вперёд, но он загородил мне дорогу рукой, откровенно не давая пройти, и наклонился ко мне, чтоб заглянуть в глаза.

– Я не буду тебя убивать.

Это фраза окончательно вывела меня из баланса. Весь диалог и вся ситуация были в высшей степени нелепыми и напоминали мрачноватые гротескные рассказы. Но от этого становилось только страшнее.

– Что? И я должна поверить?! – ляпнула я, поперхнувшись словами.

– Ну ты же пришла... – многозначительно сказал он, приподняв бровь.

– Да и что? А теперь я напугана и хочу уйти.

Он неохотно убрал руку от прохода, освободив дверной проём.

– Хорошо. Прости.

Кивнув, я взглянула на него и чуть улыбнулась для приличия, не забывая выходить при этом на улицу. Но его голос заставил меня остановиться.

– Хочешь посмотреть мои картины?

Предложение было действительно неожиданным, но не соблазнило меня.

– Не думаю...

– Ах, да, – Он провёл рукой по подбородку, – ты же не поклонница искусства.

– Да, не поклонница.

Я уже сделала шаг на ступеньку, и почти оказалась на улице под дождём, когда Оскар резко схватил меня за руку и почти потащил в дом.

– Пойдём со мной, я хочу кое-что тебе показать.

Удивительным было то, что я не стала сопротивляться, и желание уйти совсем пропало. Я безвольно следовала за ним под бешеный ритм ударов своего сердца. Мне ясно запомнилась планировка и обстановка дома. Наверное, мой мозг таким образом составлял план побега на экстренный случай. Хотя куда уж экстренней?

Мы вошли в узкую длинную прихожую без окон, из которой попали на такую же длинную, но широкую кухню-столовую. Слева вместо дверей были просто широкие проходы, один из которых вёл в большую комнату, где виднелась ещё одна закрытая дверь, а второй – на дополнительную веранду, которая явно задумывалась как столовая.

Мы направились именно на веранду, которая была превращена в мастерскую художника.

Там было много света, несмотря на мрачную погоду, и очень много пространства.

Пахло красками, растворителями и чем-то терпким, но приятным. Повсюду стояли картины, а на стене висели фотографии, прикреплённые к деревянным панелям железными кнопками. Много разных фотографий: пейзажи, какие-то люди, предметы, вещи. Всё это напоминало доску с элементами дела, над которым работает полиция или странную памятку сумасшедшего. Это слегка пугало. Хотя ничего неприятного или гадкого в самих фото не было.

Рамы, холсты, кисти, краски и куча различных приспособлений лежали повсюду, причём в таком огромном количестве, что я просто не успевала на чём-либо остановить свой взгляд.

Больше всего внимание привлекали несколько мольбертов разного размера с будущими картинами. Это были только наброски: фон, линии и мазки, непонятные мне очертания чего-то волнующего, размытые контуры фигур. Оскар не дал мне их рассмотреть. Он повёл меня в самый угол веранды, к большой картине.

Мы встали прямо перед ней.

Я очень внимательно, более чем пристально, уставилась на то, что открылось моему взору. Это было только что начатое полотно, но на нём отчётливо прослеживался сюжет.

В могиле лежала темноволосая девушка с пятнами крови на белом платье, фигурой и одеждой похожая на меня. А рядом с каменным надгробием стоял неясный силуэт с лопатой в руках. У девушки ещё не было лица, но я определённо догадывалась, каким оно может стать.

Я безмолвно открыла рот, не зная, что сказать и стоит ли вообще, а потом закрыла его. Поверьте мне, это было не из-за восхищения перед творчеством.

– Это только набросок... – начал Оскар, эмоционально жестикулируя. – Видишь, только основное, только сюжет. Это может стать серией, целой линией. Но это лишь начало, первые штрихи. Мне...

– Мне кажется, – перебила я, – самое время убегать.

Я сделала осторожный шаг назад. Заметив моё выражение лица, Оскар улыбнулся, замаяхал руками и даже засмеялся.

– О, нет. Нет, нет. Ты не поняла. – Он заметался по веранде, пытаясь что-то найти. – Это твой образ. Как вдохновение, понимаешь? Но это лишь набросок, и он ускользает, теряется. Мне не хватает деталей.

Он наконец нашёл то, что искал и протянул мне фотографию человека, который стоял над могилой.

– Видишь, – начал объяснять он, проводя пальцем по фото. – Здесь всё есть. Все детали, контуры, выражение лица. Все то, что меня волнует. То, что необходимо.

– И?

– Может, ты знаешь. – Художник явно не знал, какие слова подобрать. – Я часто работаю с реферансами. – Тут он усмехнулся, облизал губы и осторожно забрал у меня фото. – Сначала делаю снимок, чтоб не упустить важные для меня детали. Так рождается образ, который я переношу на полотно.

Я молчала, не собираясь его перебивать.

– На этом рисунке нет деталей, но образ – он уже в моей голове, и я не могу забыть его. Но и воссоздать полностью не могу. Я хочу, чтоб ты помогла мне.

– В смысле? – опешила я.

– Помогла мне, – он смотрел на меня всё так же спокойно, как тогда, при первом знакомстве. – Я хочу попросить тебя поучаствовать в фотосессии.

– То есть ты хочешь, чтоб я легла в яму и полежала там, изображая мёртвую, пока ты делаешь удачные кадры? – Я резко перешла на «ты», и в моём голосе намечался сарказм.

– Да.

– Действительно, что тут такого? – хмыкнув, я дёрнула бровями и ещё отчего-то фыркнула.

– Я могу заплатить тебе. Если хочешь, даже проценты с продажи.

– Дело не в деньгах. – Я пыталась понять, шутит он или и в правду собирается сделать меня героиней своих картин. Почему последнее время все предлагают мне деньги? Ещё один вопрос по-прежнему оставался открытым. Придётся мне для этого умирать по-настоящему? Чтoб было большее количество деталей?

– А что тогда? – Искреннее недоумение, отразившееся на его лице, почти поставило меня в тупик.

– Оскар, – я впервые назвала его по имени вслух, – ты же понимаешь, что это даже звучит жутко.

– Может всего лишь чуточку жутковато. – Он пожал плечами, но судя по тону, ему так не казалось. – Так что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – я покачала головой, – совершенно точно, не знаю.

– Хочешь чаю? – Вопрос был неожиданный. Для этой ситуации всё было неожиданно.

– Наверно, пожалуй, может быть. – Мама мне всегда повторяла, что чашка чая помогает даже в самых безнадежных ситуациях, а папа говорил не пить ничего, что предлагает незнакомец. В этот раз я решила послушать маму. Хотя в голове тонким колокольчиком звенел папин голос: «Ох, зря».

Оскар довольно резво пошёл на кухню, а я задержалась где-то в коридоре, заглядывая в большую комнату, на которую действительно стоило посмотреть.

Оказалось, что в доме есть второй этаж. Просто он половинчатый, если так можно сказать, и в нём не хватает одной стены. То есть из большой комнаты вверх поднималась лестница, что примечательно, без перил, и вела она на второй этаж-чердак, пол которого был потолком той комнаты, где закрыта дверь.

Смотрелось это впечатляюще. Стены и лестница – из светлого дерева, а вся мебель из тёмного. Такие контрасты мне нравились. Много места, много света и воздуха. Этот эффект создавался благодаря большому количеству окон.

Крыша большой комнаты-спальни была сделана под скос и тоже застеклена от стенки кухни до начала второго этажа. Это было одно большое, нет, огромное окно.

Широкая кровать стояла прямо под стеклянной крышей, по которой стучал дождь, и капли весело скатывались вниз, уступая место другим.

У дальней стены с дверью, под лестницей, замечательно смотрелся винтажный шкаф. В стене, которая разделяла комнату и кухню, была печь с камином, рядом с которым уютно пристроились два кресла.

Напротив кровати была дверь в ещё одну комнату, где располагался небольшой офис: рабочий стол с открытым ноутбуком и массивным принтером. Там же лежали и фотоаппараты. Рядом на комод стояли высокие колонки и стопки книг.

Ещё одна дверь была рядом с гостиной, которая примыкала к кухне, но она была закрыта.

Я могла бы разглядывать все, что там есть до бесконечности и описать каждую пылинку в мелких подробностях, но Оскар отвлек меня от этого занятия.

– Тебе с сахаром?

– Да, три ложечки, – отозвалась я. – Очень красивый дом. Необычный и поразительно уютный. Ты его снимаешь, да?

– Сначала да, снимал. – Оскар аккуратно достал пакетик чая из чашки и размешал сахар. – Ещё весной мы перестроили кое-что, добавили окна, веранду и много чего по мелочи. Потом я его купил, и мы построили гостевой дом – там, за соснами. Мне нравится здесь.

– Здесь необычно, – ответила я, раздумывая над загадочным «мы».

– Дом изначально был довольно странной архитектуры, этим-то он меня и привлёк. А после перестройки стал ещё лучше. – Художник сделал несколько глотков чая. Сейчас, прислонившись к столу и держа кружку обеими руками, он совсем не походил на кровожадного убийцу и казался милым. – Правда, надо ещё кое-что доделать, но это пустяки.

– Здорово, – неопределённо сказала я. – Здесь, наверное, потрясающая атмосфера для художника. Много света и пространства... Так и тянет... творить художества, – ляпнула я очевидную глупость, насмешив Оскара.

– Да, – он приподнял бровь. – Кстати, как насчёт художеств? Поможешь мне?

Ну вот. Я так и знала. Просто так чая попить не предлагают. «Поможешь мне», что за странная фраза?

Беспокоило меня то, что я хотела согласиться и судорожно искала причины этого не делать. Или наоборот, пыталась найти больше плюсов в этом не самом стандартном предложении.

– Думаешь, чашка чая поможет мне найти ответ? – Мой вопрос прозвучал иронично, но Оскар воспринял его серьёзно.

– Обычно так случается. Могу предложить чего-нибудь покрепче. – Он слегка пожал плечами и направился к полочке за бутылкой и стаканами.

– А, да, – хмыкнула я. – Спиртное тут больше подходит.

На самом деле я не собиралась пить. Или собиралась? Предложение звучало соблазнительно, но это если смотреть только с одной стороны. Хотелось пойти на компромисс, но оказалось, что его нет.

Тем временем, Оскар налил два бокала и один из них подал мне. Теперь у меня был неплохой выбор – чай и виски. Ненавижу виски.

Пока я делала маленькие глоточки, Оскар, не отрываясь, смотрел на меня. В его взгляде застыл один большой вопросительный знак. Мне стало очень неуютно от такого пристального внимания.

– Ждёшь, когда алкоголь ударит мне в голову, чтоб вновь задать мне свой вопрос? – я ухмыльнулась.

– Может, и так, – он улыбнулся, не разжимая губ, и хитро прищурился.

Ситуация была немного скованной. Я постоянно думала о том, как она будет развиваться и будет ли вообще.

Я не могла просто стоять, допивая виски, и что ещё сказать для поддержания беседы не знала. Художник не спешил мне на помощь. Он явно чего-то выжидал. Или так же, как я, не знал, что сказать. Он с улыбкой смотрел, как я пью то чай, то виски. Я улыбалась ему в ответ и даже строила смешные рожицы.

Наконец, я не выдержала, залпом допила содержимое стакана и шутливо сказала:

– Так каким был вопрос?

– Хочешь поучаствовать в фотосессии? – как ни в чём не бывало, отозвался он в том же духе, что и я.

– И ты правда напишешь картину, используя меня как модель? – В моём голосе проскользнула детская недоверчивость.

– Картины. Я напишу картины. И, да, я хочу, чтоб ты была моей моделью, – очень спокойно, не прекращая улыбаться, ответил он.

– Хм... – Я сделала вид, что вновь обдумываю это, но быстро сдалась. – Хорошо. На что не пойдёшь ради искусства.

Было заметно, что он обрадовался, просто по выражению лица и это несмотря на то, что он никак не прокомментировал мой ответ. Может, хотел скрыть свою радость, или это была особая черта его поведения, не знаю. Оскар промолчал. Только кивнул.

А потом, пробормотав: «Одну минуточку», ушёл с кухни в студию.

Через некоторое время я пошла за ним. Он сидел рядом с большой чёрной коробкой и перебирал фотографии и бумаги.

– Извини, что ушёл. Мне надо кое-что найти. – Не отвлекаясь от своего занятия, он сделал глоток виски.

– Ничего страшного. – Я не стала подходить близко, хотя мне было интересно что за фотографии он просматривает. – Так что же мне надо делать? Я никогда не участвовала в фотосессиях. Совершенно не представляю, как это бывает. Ты объяснишь, что от меня требуется?

Он не ответил. Ни через десять секунд, ни через двадцать и даже ни через минуту.

Эти странности меня смущали, потому что ставили в тупик. Я могла бы промолчать, но мне очень хотелось, чтоб наши разговоры хотя бы приблизительно приняли стандартную форму общения. Чтоб я перестала впадать в растерянность.

– Ты меня слышишь?

– Да, конечно, – совершенно легко ответил он, словно не замечая угловатость беседы. – Это очень просто, даже весело.

– Это радует, – вставила я.

– Главное привыкнуть друг к другу. – Он отложил фотки, обращая всё своё внимание на меня. – Хорошо бы настроиться на мою волну. Я постараюсь объяснить тебе, что я имею в виду, с максимальной точностью. Хочу найти некоторые работы, чтоб объяснить общую атмосферу.

– Послушай, Оскар, а как...

– Можешь называть меня Виш, – перебил он, добавив: – А ты... как твоё имя?

– О, – встрепенулась я, вспоминая, что ни разу не представилась. – Я Майя.

– Рад знакомству. Что ты хотела спросить? – сосредоточенно нахмурился он, ожидая ответа, будто мы обсуждали теоретическую физику.

Я ещё не привыкла к его своеобразной манере общения и совершенно не разбиралась в мимике, но поняла, что Оскар слегка рассеян или задумчив. Будто он уходит в себя и его мысли полностью поглощают его, а потом он понимает, что надо вернуться в реальность. Видимо, это переключение, своеобразный скачок, давался ему не так легко.

Значит, привыкнуть друг к другу, да? Поймать волну. Насколько это будет просто? И даже весело, как он говорит. Интересно, сколько для этого мне придётся выпить?

– Как мы поступим? В смысле, сделаем сразу кучу фоток или как-то ещё, поэтапно? Когда мне надо приходить, и, может надо что-то особенное?

Оскар улыбнулся.

– Особенное – это именно то, что нам нужно. Думаю, мы можем начать прямо сейчас.

– Сейчас!?! – К такому повороту событий жизнь меня не готовила.

– Как раз дождь, – сказал он, будто это решало всё. – Правда у нас нет платья, но и твоя кофта сойдёт за него.

– Эээ, ну ладно, – очень неуверенно ответила я. А как же «главное – привыкнуть друг к другу»? Или он уже привык?

– Не боишься испачкаться? – Виш поднялся с пола и полез в ящик, явно что-то разыскивая.

Я невольно пригладила тунику, в которой я была в прошлый раз, думая о том, что она коротковата для платья.

– Нет, не боюсь, но мне ещё домой ехать. – Мой голос прозвучал как-то обречённо.

– Думаю, мы подыщем что-нибудь для тебя взамен этой кофты.

– Брезентовый мешок? – вырвалось у меня.

– Ха-ха -ха, – Оскар развеселился.

Художник извлёк из ящика небольшую банку и отправился на кухню, говоря на ходу.

– Я разведу пищевую краску с крахмалом и сиропом. Она легко отстирывается и не портит ткань, а по консистенции то, что надо. Цвет можно подобрать по своему вкусу.

Я многозначительно кивнула, но он этого не видел, увлечённо звеня баночками, заливая красный порошок тёплой водой.

Пока он размешивал крахмал и красную краску в воде, доводя всё до цвета и консистенции крови, я стояла без дела, не зная, куда себя деть. Я не могла представить, как и что дальше будет, и этого самого «привыкнуть друг к другу и настроиться на волну» так и не произошло.

Оскар загадочно улыбался, занятый своими мыслями, а я просто стояла, «ожидая не зная, чего же ожидать», как бы глупо это ни звучало.

– Придётся промокнуть, – сказал он, беря фотоаппарат и жестом приглашая меня идти на улицу. – Надеюсь дождь тебя не смутит?

– Дождь это меньшее, что может меня смутить, – буркнула я, а он в ответ громко усмехнулся.

Дальше мне начало казаться, что я в странном артхаусном кино, которое снимают самые мрачные и тоскливые режиссёры.

Оскар привёл меня к одной неглубокой могиле, над которой возвышались каменное надгробие и крест из проржавевшей стали.

– Я помогу тебе спуститься.

Я лишь кивнула и крепко взяв его за руку, постаралась не упасть в процессе. Дождь уже основательно намочил траву и землю, всё было скользким, сырым и ярким.

– Не могла бы ты размазать тушь у себя на глазах? – чрезвычайно серьёзно попросил он. – Таким движением вниз, будто ты плакала.

Я сделала как он просил.

– Так?

– Да, – кивнул он. – А теперь, будь добра, сними обувь и ляг, пожалуйста, на землю.

Было не очень приятно касаться мокрой земли открытыми участками тела. Она была холодной и липкой. Мне стало неприятно, но несмотря на это поганое чувство я осторожно улеглась, не зная какую позу мне выбрать. Но Оскар подсказал мне.

– Голову положи прямо, смотри в небо. Одну руку прижми к телу, а другую чуть отодвинь. Я хочу, чтоб ты казалась безжизненной.

Сначала я не знала, как притвориться что мертва, и несколько секунд просто таращилась в небо. Увидев облака и ощутив холод земли, я невольно вспомнила день аварии. Тогда, я так же лежала у воды на мёрзлой земле и таращилась в небо, собираясь умереть.

Тем временем Оскар обмакнул пальцы в краску и начал поливать меня ей. Несколько капель упали мне на лицо около губ, и я ощутимо вздрогнула.

– Извини, – буднично и отстранённо сказал он.

А потом добавил краски мне на грудь, пачкая белую тунику, и несколько капель на левую руку.

Сверху он стал посыпать меня землёй. Она падала в те места, куда нужно было ему, смешивалась с краской и водой. Я не могла видеть, что получилось, но думаю картина была неприятной. Чувствовала я себя жутко, как в страшилках. Вокруг было тихо, Оскар молча щёлкал фотиком, беря различные ракурсы, и ничего не говорил. От этого становилось совсем неуютно. Лучше бы он шутил.

Потом он попросил меня размазать всё, что было на мне. В ответ я только кивнула. Мне стало совсем не по себе. Это как участвовать в наркотическом трипе без наркотиков. Сомнительное удовольствие.

А когда он попросил меня встать, и сам наклонился ко мне, и начал собственноручно поправлять мне волосы и кофту, я захотела испариться. Оскар сам подправил мне тушь и краску на лице, осторожными касаниями растёр землю на моей кофте.

По мне пробежалась скользкая дрожь, я чувствовала всю эту мрачную в цвет неба погоду, прониклась жуткостью, и на какой-то момент мне показалось, что он и в правду меня сейчас убьёт. Но он только провёл мне пальцем по подбородку в некоем завершающем штрихе и снова принялся фотографировать.

Мне стало холодно, я задрожала, и почему-то готова была расплакаться.

– Замёрзла?

– Да, – мой голос прозвучал тихо и испуганно.

– Тогда вылезай, – он слегка улыбнулся, помогая мне выбраться. Земля скользила, и я чуть не упала.

Быстрым шагом мы пошли в дом.

– Думаю, получилось прекрасно.

– Можно посмотреть?

– Конечно.

Оскар показал мне, где ванна, и снабдил меня большим полотенцем и своей чёрной рубашкой, которая приятно пахла порошком.

– Надеюсь, ты не возражаешь?

– Люблю рубашки, – улыбнулась я, усиленно стараясь скрыть своё смущение.

В ванной я увидела себя в зеркале.

Зрелище было кошмарное. Можно было подумать, что я и в правду умерла, а потом восстала из могилы, чтоб мучить убийцу.

Душ помог мне согреться, я тщательно смыла краску и землю, выстирала тунику и оттерла шорты, повесив их на еле тёплую батарею.

Я надела рубашку, которая была достаточно длинной, чтоб скрыть отсутствие штанов, но всё равно чувствовала себя раздетой.

Оскар сидел за ноутбуком: видимо, копировал отснятое и даже не заметил моего появления.

– Э-э-э... Как продвигается?

– Копирование?

– Ну, наверное, оно самое. – С каждой минутой, проведённой в обществе Виша, я понимала, что наше общение становится всё более абсурдным. – Я могу посмотреть?

– Нет.

– Нет?!? – Его ответ удивил меня до крайности. – Ты же сказал «можно». Почему?

– Можно, когда всё будет готово. Иначе это испортит тебе впечатление от самой картины, – пояснил он. – Иногда процесс не так интересен, как результат.

– А если фотографии ужасны?

– Тогда мы сделаем новые.

– Э-э-э-э... Ну ладно, – очень неуверенно ответила я. Меня трясло от холода и негодования, но я не решилась настаивать.

Оскар встал и, подойдя к шкафу, достал тёплый на вид красный плед.

– Вот, возьми. – Оскар протянул мне развёрнутое одеяло.

– Спасибо, – тихо ответила я. Мне вдруг стало как-то неловко. – Мне нужна горячая вода, – нарочито бодро сказала я и ушла на кухню вскипятить чайник.

Когда я вернулась, Виш уже был в студии и держал в руке распечатанную фотографию. Он пристально рассматривал её, а потом прикрепил к углу холста.

Найдя блокнот и открыв чистый лист, он принялся делать наброски, растирая карандаш пальцами, тут же вырывал листок, кидал его на пол и брал следующий.

Наконец один из набросков удостоился чести быть прикреплённым к углу холста, рядом с фоткой. Оскар взял палитру, выдавил на неё несколько цветов краски и, взяв кисть, принялся их смешивать в поисках определённого цвета. Казалось, он не может найти подходящий оттенок, и до того момента, когда он впервые коснулся кистью холста, прошло довольно много времени. Всё это время он меня не замечал, а я старалась быть максимально незаметной.

Виш был очень сосредоточен, полностью погрузившись в работу. Я не хотела ему мешать и, забрав свою одежду, собралась незаметно уйти. Выходя с кухни, я увидела, как он прикрепил кнопкой ещё одно моё фото к деревянной панели. Это выглядело так словно «дело о моей истории» только началось. Мне почему-то стало неприятно и меня передёрнуло. Оскар посмотрел на меня.

– Когда ты снова приедешь? – немного обеспокоенно спросил он, скорее всего полагая, что я не захочу вернуться. Но удивительным было то, что я хотела.

– А когда надо?

– В любое время.

– Отлично. Тогда скоро увидимся. Я верну тебе рубашку.

В пути мысли покинули меня. Я думала обо всём, кроме того, что произошло пару часов назад. Нет, это не было чем-то сверхъестественным. Скажем так, в своей бурной жизни я делала вещи намного противнее и гаже, но определённо точно, я никогда не делала ничего похожего на фотосессию с Оскаром.

## Когда исчезает скука

Я не собиралась ехать к Оскару на следующий день и не поехала, хотя очень хотелось. Сидя на крыльце, я думала только о том, что произошло. Бесконечно гоняла по кругу мельчайшие детали фотосессии и наших разговоров. От собственных мыслей и воспоминаний мои щёки начинали гореть румянцем или я улыбалась, начиная глупо хихикать.

Даже тётушка заметила, что со мной что-то не так.

– Чего это ты сегодня? Что с тобой такое? В облаках витаешь, да? – спросила она, мелко нарезая овощи для супа.

– Всё в порядке, а что?

– Смеёшься сама с собой, задумчивая.

– Просто книжку смешную прочитала.

– Понятно, – тётушка выгнала полотенцем пару мух с веранды. – Ты это, прополешь клумбу с цветами, да?

– Да, конечно.

– Ну, спасибо тебе, милая. Я пока обедом займусь.

Прополка грядки от сорняков напоминала мне выдёргивание собственных кусочков памяти. В каждом сорняке я видела отрывок разговора или действия и принималась то краснеть, то улыбаться. Я даже испачкала лицо землёй, пытаясь от стыда за себя саму закрыть его рукой.

Мне хотелось отправиться к нему как можно скорее, но я не хотела показаться навязчивой. Не хотелось, чтоб он подумал обо мне, что он мне безумно понравился, хотя это было чистой правдой. Это несомненно странное желание, но оно было очень явным.

Через день я не выдержала и засобиралась поехать к Вишу, пытаясь преодолеть своё смущение.

Не думала, что со мной такое случится, но я долго стояла перед шкафом, думая, что надеть. А вдруг опять фотосессия? Что если он захочет меня нарисовать, а одежда не подходящая? Если надену платье, это будет слишком вычурно? Мама говорила, что простое чёрное платье всегда беспрюирышный вариант. Всё зависит от аксессуаров: надела жемчуг – можно идти на званый ужин, остановилась на кроссовках – тоже выглядит уместно.

Такое платье у меня было: ворот под шею, рукав три четверти, длина юбки-колокольчика до колена. Надев кроссовки и рюкзак, я пристально оглядела себя в зеркале. Получился полностью чёрный «костюм». Мрачновато? Не, самое то. На велике в платье было не очень удобно, но я готова была на эти жертвы.

Его дом выглядел как и прежде: тихо и загадочно. Аромат сирени окутывал двор, и мне хотелось пропитаться им. Оставив велосипед у калитки, я зашла на веранду. Дверь была открыта, я постучала для приличия, но мне никто не ответил. Войдя в дом, я окликнула его по имени. Стало неловко, пришло ощущение того, чтоходишь безспроса и можешь стать свидетелем чего-то личного или даже пугающего. Я понимала, что сама себя накручиваю, но в его доме цариласпрятанная тайна и мне, как и в прошлый раз, стало не по себе.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.